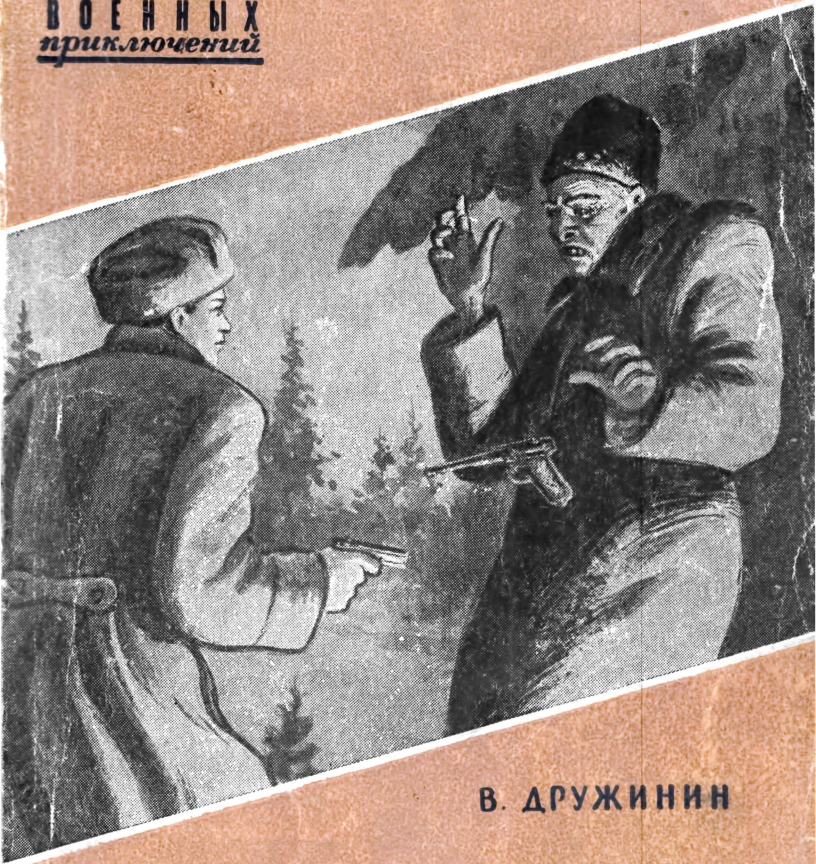

Библиотечка
ВОЕННЫХ
приключений

В. ДРУЖИНИН

След Заур-бека

БИБЛИОТЕЧКА ВОЕННЫХ ПРИКЛЮЧЕНИЙ

В. ДРУЖИНИН

С Л Е Д
З А У Р - Б Е К А

РАССКАЗЫ

ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ СОЮЗА ССР
Москва — 1954

ДОМ НА БОРОВОЙ

Мне хотелось пойти туда. Пойти в дом на Боровой, подняться на четвёртый этаж, дёрнуть рукоятку звонка. Откроется тяжёлая, обитая войлоком дверь. Зажжётся свет. Да, в тёмном коридоре, знакомом мне наощупь, зажжётся свет. Что будет дальше — я не знаю. Вернее всего — ничего не будет. Я ничего не узнаю. Тайна останется тайной.

И всё-таки мне хочется, мне нужно пойти туда. Иначе нельзя. Иначе я не выясню всех деталей этой истории...

Началось всё декабрьским утром 1941 года. Я топтался у шлагбаума в Колпине и ждал попутной машины. Ко мне подошёл невысокий чернявый военфельдшер и спросил:

— В город?

— В город, — сказал я.

Он улыбнулся. Скользя взглядом по моему счастливому лицу, он протянул мне небольшую, аккуратно зашитую в холст посылочку.

— Очень вас прошу, — начал он. — Семья голодает. Передайте, если не затруднит.

— Давайте, — сказал я.

— Это на Боровой. Почти в центре.

— Знаю.

— А вы — Селезнёв?

— Точно, — весело отозвался я. — Сержант Селезнёв.

— На слёт едете?

— На слёт.

— Знаю. Снайпер Селезнёв. Как не знать! Так, пожалуйста, посылочку мою...

Он говорил громко. Все стоявшие у шлагбаума стали смотреть на меня. Зардевшись, я сунул посылочку в туго набитый мешок и сказал симпатичному военфельдшеру:

— Не беспокойтесь. Всё будет сделано тотчас же, как приеду в Ленинград.

Квартиру я нашёл не сразу. Короткий день уже кончился, и на лестнице было темно. Темно и совершенно тихо. В провалы окон врывался тонкий едва уловимый запах гари. На лестнице жилого дома пахло так же, как и на передовой у потушенного снегом пожарища.

Долго я мёрз на площадке, дёргая рукоятку звонка. Литая птичья лапа, сжимающая когтями шар, успела согреться. Наконец, за дверью слышались тихие, неторопливые шаги и мужской голос произнёс:

— Вы к кому?

— Шараровы здесь живут? — спросил я, вспомнив фамилию на посылке военфельдшера.

— Что у вас?

— Посылка.

Дверь открылась в темноту. Тот же голос, удаляясь куда-то, позвал:

— Прошу за мной.

— Спичек у вас нет? — спросил я.

— Нет. А у вас?

— Тоже нет. Я некурящий.

— Добродетельный мужчина,— сказал незнакомец с усмешкой, и голос его вдруг показался мне смутно знакомым.— У вас и фонаря нет?

— Есть трофейный фонарь,— сказал я небрежно.— Да чёрт бы драл — батарея села.

— Трофейный?

— Да.

— Воюем, значит?

— Воюем...

Так мы разговаривали, двигаясь по длинному-предлинному коридору, и я терялся в догадках — где я слышал этот голос? На фронте? Нет, не на фронте. До войны? Да, должно быть, ещё до войны. Но где?

— Это ничего, что у вас нет света,— проговорил незнакомец.— Всё равно зажигать здесь нельзя. Рядом трахнуло. Штучка на четверть тонны. Все рамы вылетели.

В коридоре становилось тепло. Двигаясь в бесконечных потёмках, задевая за какие-то углы, я вспомнил путешествие к центру земли, описанное Жюль Верном, и невольно засмеялся. Температура явно повышалась. Мы, точно герои фантастического романа, как бы приближались к раскалённому центру земной планеты.

— Чего вы смеётесь? — услышал я.

— Ничего. Так.

— Вам смешно?

Это был тот же голос, но встревоженный, даже испуганный. И определённо знакомый. Я уже раскрыл рот, чтобы спросить, но в эту минуту оглушительно скрипнула дверь. Пахнуло жаром раскалённой печи.

Мы вошли в комнату с одним окном. Хозяин застеклил его, но, как видно, не успел устроить

затемнение. За окном, в слабом сиянии ущербной луны, виднелась крыша примыкающего дома и на ней флюгарка.

От ветра флюгарка металась и жалобно дребезжала. Я посмотрел на неё, и вдруг мне показалось, что в комнате никого, кроме меня, нет. На миг стало тревожно, жутко даже, и я крикнул:

— Вы здесь?

— Здесь,— слышалось в ответ.

— Вот вы где,— сказал я, всматриваясь в угол комнаты. — Подождите. Сейчас.

— Что вы хотите?

— Ничего. Сейчас достану посылку.

«Странно мы разговариваем,— подумал я. — Он впрямь налуган чем-то. А голос...» Я снова и так же безуспешно пытался вспомнить и бросил наудачу:

— Вы не учились на химическом?

— Где?

— На химическом?

— Нет. Вы ошибаетесь.

Я наткнулся на стол, опустил на него мешок и извлёк посылку. Человек быстро вышел из угла, взял посылку со стола и отошёл. Одет он был, кажется, в куртку или ватник, на голове что-то вроде берета. Черты лица я рассмотреть не мог. Стоя, он распарывал и развёртывал посылку.

— Я никогда не учился на химическом,— сказал он отдельно. — Я вообще не ленинградец.

— Вот как?

— Да. Приехал перед войной. Застрял тут совершенно случайно. Ну-с, большое вам спасибо.

— Пожалуйста.

— Я не предложил вам сесть,— сказал он, видимо, успокаиваясь. — Простите. Мне надо ухо-

дить. Я вас выпущу. Вот сюда. Другим ходом — покороче.

С этими словами он вывел меня в коридор, затем на кухню и отпер дверь на чёрную лестницу.

Тёмная комната осталась позади. Я спускался по лестнице, нежно озарённой лунным светом, и подозрения мои затихали. Мало ли что взбредёт в голову в темноте! А похожих голосов такая масса!

Очутившись на широком, пустынном, заснежённом дворе, я с облегчением зашагал к воротам. Что-то певуче задрезжало наверху, и я остановился. Флюгарка! Да, та самая флюгарка, которую я заметил из окна. Вот и окно. Прежде, чем я отыскал его глазами, у меня мелькнула мысль: «А если он соврал, что нет света? Что, если теперь из окна сочится свет?» Нет, света в комнате не было...

Успокоившись окончательно, я направился по Боровой. Навстречу спешила девочка лет восьми. Худенькое и сморщившееся от холода личико выглядывало из большой старомодной плюшевой кофты. Девочка шла, должно быть, из булочной и несла хлеб. Это была крохотная порция хлеба, наполовину завёрнутая в листочек бумаги. Девочка прижимала этот свёрток обеими руками и смотрела на него, не отрываясь. Тропинка, проложенная по тротуару, вилась среди сугробов, девочка спотыкалась, но не смотрела на тропинку. Она смотрела только на хлеб.

— Постой,— окликнул я.

Я вытащил из кармана сухарь и протянул ей. Она ещё крепче прижала к себе свёрток.

— Что вы, дядечка!

— Держи!

Она не решалась взять. И я смутился, потому что мне ещё не приходилось протягивать хлеб голодному. Чтобы помочь девочке, я сказал:

— Бери. Шура или как?

— Зоя.

— Правильно, Зоя. Маме привет...

Я отдал ей почти все сухари. Она хотела что-то спросить, но я резко повернул и ускорил шаг. Потом я посмотрел ей вслед. Как она несла хлеб! Женщина так не несёт своего первенца, как эта девочка несла хлеб...

Да, тяжело им здесь, в осаждённом городе. Тяжелее, чем нам. И опять я подумал о нём, о незнакомце. Изголодавшийся, изнервничавшийся человек, вот и всё. До чего я глуп со своими подозрениями! До чего глуп!

Примерно так рассуждал я про себя, когда заметил ещё одного пешехода. Он вывернулся из-за угла, стремительно пронёсся мимо, и я застыл на месте.

Шинель. Петлицы военфельдшера. Лохматые брови. Сомнения не было. Это тот самый военфельдшер, который мне передал посылку на Боровую.

Он здесь! Так зачем же... Зачем он дал мне свою посылку? Я стоял ошеломлённый и следил за удаляющейся фигурой. Догнать его, спросить? Какой-то внутренний голос шепнул мне, что это не нужно. Лучше проследить. Я повернул назад. Через несколько минут произошло то, к чему я уже приготовился. Фельдшер исчез в знакомом парадном. Я вошёл во двор и расположился здесь на страже, приковав взгляд к окну в четвёртом этаже.

Раза три звонко встрепенулась флюгарка. И вдруг слабая, едва приметная мерцающая

желтизна проступила в окне. В комнате за шторой горел свет...

Капитан Смоляков слушал мой рассказ. Он делал пометки в блокноте, скрытом от меня огромной каменной чернильницей, выпускал уголком губ папиросный дым и не прерывал меня. Когда я кончил, первый вопрос его был:

— Вы учились на химическом?

— Да.

— Кончили?

Я сказал, что перед войной учился на втором курсе и работал лаборантом у профессора Вошажникова — крупного специалиста в области органической химии. Лаборатория его слыла в институте... Тут капитан кивнул, давая мне понять, что имя Вошажникова ему известно. А в начале войны я ушёл в ополчение. Капитан опять кивнул и спросил:

— Вы узнали его?

— Фельдшера? Конечно, узнал.

— А того, в комнате?

— Нет, никак, товарищ капитан. Ну, никак.

— Подумайте.

— Да я уже думал.

— А он узнал вас? — спросил капитан, выпустив весь дым сразу, и положил перо.

— Не знаю.

— Но он испугался?

— Да.

— А потом он пришёл в себя?

— Точно.

— Пришёл в себя, когда вскрыл посылку?

— Вот-вот, товарищ капитан. Стоя, развёртывал, торопился. Нитки рвал.

Смоляков улыбнулся.

— Понятно, — бросил он.

— Товарищ капитан! — воскликнул я. — Вы знаете? Вы знаете, кто это такой?

— Условимся, — ответил он, — что вопросы задавать буду я. В комнате никого больше не было?

— Нет.

— Голоса за стеной? Стук?

— Нет. Ни звука. Жуткая квартира. Тьма — и ни звука.

Он молвил с улыбкой:

— Темноты боитесь, снайпер...

Потом тень усталости набежала на его лицо. Мне показалось, что события на Боровой, о которых я сообщил, совсем не интересны. В самом деле — с чем я явился к капитану? С одними догадками и страхами. Но он не отпускал меня. Он повёл разговор о слёте снайперов. Тут я не преминул похвастаться. В повестке дня — мой доклад. Из дивизии на слёт послали меня одного. Воодушевившись, я начал доказывать, как важно изучить особенности своей винтовки.

Капитан остановил меня решительным кивком.

— Слёт откроется утром?

— Точно.

— Не знаю, удастся ли вам быть на открытии, — сказал он. — Может быть, и не удастся...

Я привскочил.

— Товарищ капитан...

— Сидите, — приказал он и закрыл блокнот. — Война, товарищ Селезнёв, не только на передовой. Иногда требуется сменить оружие. Кстати, из пистолета вы как? Не очень мажете?

— Не очень.

— Хорошо. Против темноты, которую вы не переносите, снабдим вас фонарём. Повторяю — с врагами мы сталкиваемся и здесь, в городе. Одно

предупреждение: вы будете делать только то, что я скажу. Строго. Ясно вам?

Я в недоумении пробормотал, что мне всё ясно. Неужели я не попаду на слёт? Всей своей душой я рвался на этот слёт. И вдруг, из-за какой-то чепухи... Я ведь отлично видел, что капитан скучал, когда я рассказывал. В городе враги? О шпионах я читал, и читал с интересом, но мне представлялось, что они таятся в таких трущобах, окружены такими хитросплетениями паролей и шифров, что случайному человеку их не обнаружить. Может быть, и здесь идёт война. Не спорю. Но мне, снайперу, сподручнее всё же воевать на передовой, со своей винтовкой...

Так и надо было заявить капитану. Жаль, что подходящие, убедительные слова приходят мне в голову слишком поздно. Капитан ушёл, велел мне сидеть.

Он показался через полчаса. Подмышкой у него был толстый-претолстый портфель. Смоляков сел и оглядел меня.

— Учтите, Селезнёв,— произнёс он с неожиданной мягкостью,— это очень важное дело.

— Товарищ капитан! — начал я.

— Минуточку. Это очень важное дело. Имеете ли вы понятие, какое в городе положение с хлебом? Знаете ли вы, что сейчас муку доставляют на самолётах? Муку на самолётах — как слитки золота! Запасы у нас в Ленинграде... я не назову цифр, но мне страшно думать, какие это ничтожные запасы. И вот есть группа мерзавцев, которая хочет оставить город совсем без хлеба. Уничтожить хлеб.

— Уничтожить хлеб?

— Да. Со временем вы узнаете больше.

А пока — вот поручение. Отнести сегодня же и доложить.

Смоляков открыл портфель и вручил мне небольшой свёрток. Я чуть не вздрогнул от неожиданности: на свёртке, зашитом в холст, был адрес знакомого, теперь уже ненавистного дома на Боровой...

Что в посылке? Зачем она? И кто этот субъект, которому я должен её вручить? Враг? Наверное, враг — так же, как и тот в форме военфельдшера. Но если так, то почему они гуляют на свободе? Смоляков их как будто знает — и позволяет им разгуливать... Чепуха какая-то!

Смолякова я не спрашивал. Нельзя, так нельзя! Я не показал и вида, что мне хочется узнать от него что-нибудь больше. Сухо откозыряв, как полагается, я вышел. И вот я иду к Боровой с этим несносным грузом невысказанных вопросов.

Ветер порывисто сбрасывает с карнизов снег. Качаются обвисшие, ненужные провода. Я голоден. В левом кармане куртки, кажется, ещё остался один сухарь. С усилием стаскиваю перчатку, долго, старательно шарю. Платок, фонарь, записная книжка... Здесь! Шагаю дальше. Вот сдам посылку, вернусь к Смолякову, доложу — и ужинать...

Боровая. Прежде всего во двор. Флюгарка дребезжит так, точно кто-то скребёт ложкой пустую кастрюлю. Поднимаю голову. В том окне темно. Но не весь ряд окон одинаково чёрен. Правее, в двух окнах сквозит свет.

Теперь я уже не думаю о еде. Я думаю, как поступить. Идти через парадную или с чёрного хода? Не сводя глаз с окон, я пересекаю двор. Отсюда ближе. Страшное нетерпение подгоняет меня.

Скорее, скорее, поспеть туда, пока не погасили свет, не сняли шторы. Застать в квартире свет!

А что, если...

Под окнами — крыша трёхэтажного флигеля. Что, если подняться туда по пожарной лестнице, подкрасться, прислушаться? Правда, капитан велел передать посылку — и только. Ну, что ж. Разведаю, спущусь и отнесу.

На крыше безумствует ветер. Встревоженная стайка облаков мчится надо мной. Луна пока закрыта, и хорошо, что закрыта. Я ползу, ползу, прижавшись всем телом к ледяной поверхности, так, как только снайпер умеет ползти. Над самым ухом грохочет громадная ржавая флюгарка. И это кстати. Меня не слышно. Облако не успеет открыть луну, а я буду уже у цели.

Наконец-то! Рука уже упёрлась в стену. Осторожно, медленно поднимаюсь и приникаю к окну. В первой раме стёкол нет. Во второй, внутренней, их мало. Вся рама заклеена плотной чёрной бумагой. Заклеена, как видно, наспех, потому что кое-где остались щёлки. Проклятая флюгарка! Теперь она мне мешает. В короткие интервалы тишины я пытаюсь уловить, что происходит в комнате. Прошуршали чьи-то шаги. Если бы не флюгарка... Сломать её разве? Нет, это не годится. Лучше вот так. И рука моя тянется к чёрному эрзац-стеклу.

Нащупываю плохо прикреплённый край и, не дыша, отгибаю к себе. Щёлка расширяется, мой жадный взгляд проникает в освещённую комнату и впивается во что-то серое, складчатое. Чуть больше отгибаю я бумагу. Серое отодвигается. Я вижу большую прозрачную реторту на маленьком, покрытом пятнами столике. Стискиваю зубы. Ясно, здесь что-то вроде лаборатории. Молнией проносится в мозгу фраза капитана: «Хотят уни-

чтожить хлеб...» Чем уничтожить? Ядом каким-нибудь, который изготавливается здесь, за окном, в двух шагах от меня?..

«Спокойно, Селезнёв, спокойно,— говорю я себе. — Сейчас мы узнаем, кто там». На нём серый пиджак. Значит, чтобы увидеть его лицо, нужно заглянуть повыше. Пальцы мои дрожат. Я напрасно сую их в рот — дрожат они не от мороза. Второй проём я делаю в форточке. Ничего. Ничего, кроме жёлтых птичек, глупых жёлтых птиц на обоях. Но вот слышатся шаги. Я вижу его.

Да, я вижу его и не верю своим глазам. Это невероятно. Это чудовищно. Передо мной — с поднятой в руке пробиркой мой бывший учитель, профессор Вошажников. С минуту я смотрю на него в полнейшем смятении, не зная, что подумать и что предпринять, а затем...

Затем произошло то, чего я меньше всего ожидал в эту минуту. В комнате погас свет. Почти одновременно раздался звон разбитого стекла, и всё стихло...

Я не отходил от окна.

Может быть, свет зажжётся снова?

Вошажников! Он с ними, с фрицами, он враг, он хочет отнять хлеб... Вырвать кусок хлеба из хрупких, тоненьких пальцев Зои...

Должно быть, в этот миг я почувствовал, что Смоляков прав. Война не только на передовой. Война везде. Уж если Вошажников здесь... А старик он был жёсткий, замкнутый. Многие студенты его не любили. Как он кричал на меня, когда я сказал, что у него неинтересно работать! С ним жили дочь и зять. У зятя, помню, немецкая фамилия: Клих.

И тут словно прорвалась в глубинах памяти сокровенная плотина. Кличу я отдал первую посылку. С Кличом я разговаривал в тёмной комнате. Клич, зять профессора, здесь, это был его голос! Теперь ясно. Вошажников и зять — одна шпионская компания. Мерзавцы! Что же я стою, как истукан, стою и не двигаюсь, когда надо выдать к чёрту раму, отыскать их там, схватить и представить Смолякову! Нет, нельзя. Приказ есть приказ. Вручить свёрток, не поднимать шума, доложить... Сознаюсь, никогда не было у меня такого соблазна перевыполнить приказ начальника, как в это мгновение.

Скрепя сердце, я спустился вниз, зашёл с чёрного хода и долго молотил кулаками в дверь. Никто не отпирал. Дверь крепкая, массивная — не сломаешь. Попытался с парадной. Там я так же безуспешно стучал, дёргал звонок, и вдруг, случайно задев скобу, выяснил, что дверь не заперта. Она подалась и впустила меня в крошечную тьму.

Я крикнул:

— Эй! Есть кто?..

Только слабое, звенящее эхо ответило мне.

Полосуя лучом фонаря темноту, я вступил в коридор. Обернулся, осветил пройденную переднюю. Что, если за мной следят? Вдруг я в ловушке и меня схватят сзади, зажмут рот?..

Каким-то чутьём уразумел, что надо запереть за собой парадную дверь. Вернулся, заложил засов, снова устремился в коридор. Из мрака выплыла белая, мертвенная голова. Холодным потом прошибло меня... Спокойно, спокойно! Это бюст, странный бюст какого-то вельможи с буклями. Что там мерцает дальше? Зеркало, прислонённое к стене. Рядом ваза. Из неё, вместо букета цветов, торчат железные угольные щипцы. Неожиданные,

разнообразные вещи расположены вдоль стен — похоже, что, когда рядом взорвалась бомба, они все сдвинулись со своих привычных мест, перемешались...

При свете коридор кажется короче. Мелькнула белая дверь. Она чуть приоткрыта. Я замедляю шаг, подтягиваясь на цыпочки. Ох, не верю я этой тишине, не верю! Луч моего фонаря просовывается в комнату, освещает стол без скатерти, остывшую железную печь. Никого... Неужели никого? Но ведь тут спрятаться положительно негде. Шкаф набит книгами. Больше и мебели нет, если не считать стульев.

Не тратя времени на осмотр, я толкаю дверь в соседнее помещение. Это лаборатория. Лаборатория Вошажникова.

Не задерживаясь, я сразу прохожу в следующую комнату. Это спальня с одной кроватью, со стопой толстых фолиантов, заменяющей тумбочку. Дальше хода нет. Я перевожу дыхание. Вошажников исчез. Пусто.

Что я теперь скажу Смолякову? Видел Вошажникова, но не задержал. Не успел.

Бегло знакомясь с лабораторией, я уже собираюсь уходить. Мысленно складывается в уме рапорт капитану. В лаборатории обнаружен набор реактивов. На полу разбитая пробирка с серебристо-серым порошком. Неприятный, горький запах. Вошажников уронил её или бросил, когда погас свет.

А это что? Поднимаю с пола два листка бумаги. Почерк профессора. Чернила свежие. Листки заполнены формулами. Я читаю их с яростью. Формулы ядов. Сильнейших ядов.

Нет ли ещё бумаг? На подоконнике — маленькая записная книжка. И в ней формулы, набросан-

ные угловатым вощажниковским почерком. Но это старые записи. А вот свежие, карандашом. Он, видите ли, каждый день мерил себе температуру и снабжал примечаниями: «Дело швах», «Шалит сердце», «Сегодня надо встать, а ноги, как из сырой глины». Мелькает немецкая фамилия Корн. «Нет Корна». «Спросить Клиха — не видел ли Корна». И ещё: «Проклятье! Если бы тут был Корн».

Кто такой Корн? Небось, один из шайки. Я прячу записную книжку в карман — отдам капитану. Ещё раз провожу лучом по подоконнику. Жёлтый конверт. Адресован Вощажникову на Васильевский остров, где постоянная его квартира. Извлекаю сложенный вдвое листок.

«Дорогой профессор!

Довольно вам прозябать в своей скворечнице. Перебирайтесь ко мне на Боровую. Есть дровишки и ещё кое-что для организма. Смею надеяться, что мы друг другу пригодимся. Жду непременно. Ваш Клих».

И письмо я оставил у себя. «Да, они пригодились друг другу», — подумал я. На письме дата — третье декабря. Сегодня восьмое. Значит Вощажников недавно перебрался сюда.

Все эти мысли промелькнули в моём сознании, когда я засовывал в карман письмо. В ящике лабораторного стола я нашёл ещё открытку от дочери профессора Лизы — жены Клиха. Она писала из Омска. И, наконец, я выяснил, как освещается лаборатория. В углу стоял большой аккумулятор с круглой лампочкой на крышке. Концы проводов были разъединены.

Теперь — к Смолякову.

Но тут снова случай вмешался в мои намерения. В парадную дверь постучали.

— Кто там? — крикнул я.

В свете фонаря жирно блеснула тяжёлая задвижка. Я положил на неё руку. Секундная пауза. Затем:

— Вам посылка.

Голос глуховатый, слова произнесены торопливо и с лёгким акцентом. Я спросил:

— Для кого посылка?

— Для Шараповых.

Я отодвинул засов, быстро отошёл в сторону и погасил фонарь. Когда стучавший переступил порог, я запер дверь. Потом, сообразив, что закрытие темноты мне не нужно, включил фонарь. Очертилась спина невысокого, коренастого человека, одетого в шинель.

— Идите прямо, — сказал я.

Не оглядываясь, он пошёл по коридору. Когда я поровнялся с входом в комнату Клича, я крикнул посетителю, чтобы он вошёл туда. Затем проводил его в лабораторию, предложил сесть и включил свет от аккумулятора. С минуту я смотрел на него, а он на меня. У него было плоское лицо с жиденькими усиками. Красный, припухший от мороза нос. Я первый нарушил молчание:

— Где посылка?

— Я вас не знаю, — проговорил он.

— Это неважно.

— Я не доверю посылку случайному человеку. Это очень большая ценность сейчас.

— Продукты?

— Да. Продукты.

Бойтся. Врёт. Ну хорошо же. Повинуясь внезапному решению, я сказал:

— Но Клича нет.

Он помолчал и спросил:

— Где Клич?

К стр. 16

Верхняя губа его поднялась и дрогнула. Он растерялся. Я понял — почему: условленная встреча с Клихом не состоялась. А у меня план действий созрел окончательно. Я смотрел на вздрагивающую губу и гадал — выйдет ли? Попробую.

— Клих ушёл по срочному делу, оставил здесь меня.

— Да?

То, что я назвал имя Клиха мимоходом, непридуманно, видимо, успокоило негодяя. И тут я, совсем осмелев, выложил последний козырь.

— Можете быть спокойны. Я тоже участвую в операции по уничтожению хлеба.

— Ах, так?

— Вообще, странно — чего вы опасаетесь? — продолжал я, подавляя ярость. — Что вам может угрожать? Судьба города решена. В нём ещё нет немецких войск, но он, по существу, уже взят. Вам говорили это? Город умирает с голода. Город не может сопротивляться. Говорили?

Он заёрзал. Моя резкость подействовала на него. Он выдавил смущённо:

— Натурально... Говорили.

— До сих пор был жалкий кусок хлеба, — продолжал я, тая желание ударить его. — Теперь не будет.

— Конечно.

— Очень скоро, — сказал я.

Он ещё улыбается! Ему весело! Вот бы двинуть его сейчас. Нет, сперва надо узнать. Он должен что-нибудь раскрыть. Должен. Он раскроет, чтобы парировать мой иронический тон, блеснуть своей осведомлённостью. Я не ошибся. Но я получил меньше, чем ожидал. Он сказал:

— Завтра утром.

Где они нанесут удар? Где они собираются рассыпать яд? Я тщательно обдумал фразу, прежде чем начал:

— Утром. С таким порошком операция пройдёт быстро. Раз — и нет склада.

— Разве и на складе?

— Да, и на складе,— должен был согласиться я.

— Ну и прекрасно,— заявил он, разбивая мои ожидания.— Надо поесть. Вы кушали?

— Кушал.

К счастью, он и не угощал меня. Один раз он протянул мне на острие складного ножа кусок колбасы, но я отвернулся и сказал, что сыт. Странное дело — он сидел и чавкал против меня, сидел и чавкал, отрезая толстые, жирные куски, а во мне ни разу не проснулся голод. Кажется, никакая сила не заставила бы меня проглотить кусок из его банки, с его ножа.

Доканчивая банку, он сообщил, что родом из Сарепты, двенадцати лет был увезён в Германию. Потом он долго тёр лезвие ножа полрой шинели, вложил нож в кожаный футляр.

Чёрт! Рука моя сама сжалась в кулак. Долго ли мне ещё возиться с ним? Время за полночь, стрелка идёт к двум.

— Скоро утро,— сказал я.

— Значит, и складу — капут! — вдруг выпалил он.— Я думал, что только на хлебном заводе № 10.

Десятый хлебозавод! Самый крупный в Ленинграде! У меня перехватило дух. Я долго ждал, что он скажет, мучительно ждал — и вот он сказал. Я могу оставить эту игру, сейчас же оставить и вести его к Смолякову. Но я не тороплюсь. Я не

двигаюсь с места. Может быть, можно узнать ещё что-нибудь! Наверно, можно. Минуту, две я думаю. И вдруг за окном раздаётся гулкий удар, окно жалобно звенит, что-то где-то рушится. Гитлеровец вскакивает с кресла.

— Стойте! — кричу я.

— Наша артиллерия, — кричит он. — Надо идти вниз. Это наша артиллерия.

— Стойте, стойте!

Он бледнеет и, пригнувшись, бежит к двери. Ещё миг — и он исчезнет в коридоре. Там нет света. Молнией мелькнула мысль: что, если я разоблачил себя сейчас этим окриком, и он прячется не только от обстрела, но и от меня, исчезнет в темноте, я не смогу его поймать и он уйдёт? Машинально я выхватил пистолет, а он обернулся на пороге и увидел. И всё быстро кончилось, потому что я спустил курок. Моя пуля настигла его на самом пороге. Он рухнул в коридор, и только ноги его в больших, подбитых железками башмаках высунулись из темноты.

Обыскав диверсанта, я нашёл свёрток, предназначавшийся Клиху. В свёртке была банка с серебристо-серым порошком. Сунув её к себе в мешок вместе с бумагами гитлеровца, я поспешил к капитану Смолякову.

Обстрел продолжался...

Смолякова я не застал.

Часы показывали три. Оставив на имя Смолякова краткое донесение, я помчался на хлебозавод. Оттуда, решил я, снова позвоню капитану, а если его не будет на месте, подниму на заводе тревогу. Страшное открытие, сделанное мной, целиком захватило меня. Мне пришло в голову, что, может, капитан уже знает и что он уже на за-

воде. Когда я, запыхавшись, вбежал в проходную, кто-то схватил меня за рукав и остановил

Это был Смоляков.

— Товарищ капитан,— начал я. — Разрешите объяснить...

Смоляков кивнул и обратился к вахтеру:

— Отоприте ворота. Проведут арестованных.

Потом он обнял меня и подвёл к окошечку проходной. Показался боец с автоматом. За ним — трое арестованных. В последнем из них я узнал Клича. А замыкал шествие второй военный с наганом в руке. И этого человека я узнал. Зелёные петлицы военфельдшера, лохматые брови.

— Он! — крикнул я.

— Кто? — спросил, обернувшись, Смоляков.

— Военфельдшер... Товарищ капитан, это тот самый, который тогда у шлагбаума...

Капитан тихо засмеялся,

— Да, да, Селезнёв. Тише...

После этого решительного «тише», до крайности озадачившего меня, я не проронил ни звука и покорно последовал за Смоляковым к нему в отдел.

Выслушав меня, он снял куртку, шапку, достал из ящика стола трубку — словом, всем своим видом показал, что больше спешить ему некуда.

— Вы убили Рольфа. Он должен был явиться к Кличу и получить диверсионное задание. Мерзавцы не сомневались, что хлеб испортить удастся, и запланировали ещё ряд диверсий — на сегодня и завтра. Но вы, очевидно, спугнули Клича. Он узнал вас по голосу, решил, что и вы его опознали, и оставил свою конспиративную квартиру на Боровой. Он ведь жил под русской фамилией, с чужими документами. Накануне вылазки на хлебозавод бандиты проявили двойную

осторожность. Нам приходилось успокаивать их, усиленно подбрасывать им посылочки. Да, Селезнёв, посылочки... Ну-с, с Боровой Клик ушёл, но от нашего глаза не скрылся — с ним был товарищ, которого вы называете военфельдшером, хотя он по специальности химик — хороший химик! — и превосходный разведчик. По нашему заданию он вошёл в доверие к диверсантам, и сам, не на Боровой, конечно, а в другом месте, обезвреживал отравляющее вещество, поступавшее на Боровую. На хлебозавод тамошним двум немецким агентам переправлялся порошок, который не отравит и мухи. Только и есть у него общего с ядом, что цвет. Попутно выяснилось, кто соучастники Кликса. Ну-с, — тут глаза Смолякова заблестели, — сегодня бандиты усердно высыпали весь запас порошка на стеллажи с печёным хлебом. Их здорово огорошило, когда мы прервали это занятие...

Секретарь внёс пачку донесений. Смоляков прочёл их и помрачнел.

— Печально, — сказал он. — Вощажников умер.

— Где?

— Его нашли на Загородном. Он шёл из Технологического института и упал. Перед смертью он бормотал что-то бессвязное и часто упоминал нерусскую фамилию...

— Корн?

— Да. Корн.

— Товарищ капитан, — сказал я, — не всех поймали. Есть ещё этот Корн. Вощажников с ними был.

— Не знаю, — задумчиво проговорил капитан. — Вощажников был очень болен, когда переехал на Боровую. Он не подымался с постели. И что-то важное заставило его встать, войти в

лабораторию, а потом отправиться в институт. Видимо, Клиху захотелось завербовать профессора, чтобы иметь возможность проверять содержимое посылок, — ведь Клих не химик по специальности. Он и лабораторию устроил для Вошажникова. Ну-с, товарищ Селезнёв, задерживать вас надобности больше нет. Желаю вам снайперских успехов.

Пять лет прошло с тех пор. Только теперь я разгадал тайну профессора Вошажникова — теперь, когда я демобилизовался и вернулся в Ленинград.

Вы спросите: неужели я не забыл всю эту историю за пять лет? Нет, не забыл. Я хотел узнать, с кем был мой учитель. Чью руку я пожимал — врага или друга? Вот почему я сразу по приезде позвонил Смолякову. Мне сказали, что он работает в другом городе. Как быть? Наведаться в знакомую квартиру на Боровой? Что я смогу, выяснить там? Всё-таки я решился.

Я снова поднялся на четвёртый этаж, дёрнул медную птичью лапу. Мне открыли. В передней горела люстра — чудесная яркая люстра! Я ничего не узнал. От Клиха не осталось ни бумаг, ни лабораторной посуды, ничего — как будто и не было его никогда. Но я не оставил надежды.

И вот сегодня я разговаривал со старшим библиотекарем Химико-технологического института. Он не выезжал из города во время войны, хорошо знал Вошажникова и, оказывается, видел профессора в последний день его жизни.

Вошажников пришёл в библиотеку поздно вечером. Он был очень возбуждён. Он ругал Клиха и грозил, что выведет его на чистую воду. Кроме того, профессор ругал меня. Да, библиотекарь положительно помнит это. Очевидно, Во-

щажников слышал мой голос, когда я беседовал с Клихом. Профессор провёл в библиотеке около часа. Он читал справочник.

По моей просьбе библиотекарь принёс мне эту книгу. Я рассмеялся от неожиданного облегчения, как только прочёл фамилию автора — Корн. Вот какого Корна искал профессор!

Я спросил библиотекаря:

— Это тот самый экземпляр?

— Да. Профессор делал пометки. Он, видимо, забыл, что находится в институте...

Я раскрыл книгу. Пометки профессора Вошажникова не спутаешь ни с какими другими. Он делал их всегда в углу страницы, мелкими каракулями, и не подчёркивал нужное место в тексте, а чётко замыкал в скобки.

Книга рассказала мне всё. Вошажникову нужен был раздел ядов... Он отыскал формулу того серебристо-серого порошка, которым Клих и его банда собирались отравить хлеб. На последней странице Вошажников сделал несколько выкладок. Они заканчивались формулой. Всё стало ясно. Старый учёный, независимо от нашего «военфельдшера», нашёл способ обезвредить яд. Вошажников знал, какого рода посылки поступали в лабораторию. Знал и готовился разоблачить преступников.

Жаль, что не встретился я с ним тогда, на Боровой. В его глазах я остался предателем. Жаль. Ведь хочется быть чистым и перед собой и перед друзьями, даже если они и погибли...

СЛЕД ЗАУР-БЕКА

Странный посетитель сидел у майора Лухманова, когда я вошёл.

Он был широк в кости, крупен и нескладен,— так нескладен, что я, разглядывая его, вдруг подумал, как же сумеет он подняться с кресла, как соберёт себя эта грузная фигура, вытянувшая вперёд одну ногу в огромном сером валенке, разбросавшая в стороны длинные, жилистые руки. Тонкая шея вылезала из мехового воротника пальто. В ней было что-то птичье, и мне припомнился гриф с голой шеей, перехваченной ожерельем из перьев, — гриф из учебника зоологии. Однако в лице незнакомца не было решительно ничего, напоминавшего хищную птицу, — тонкий, с горбинкой нос, глубокие глаза и под ними синеватые тени — как у всех ленинградцев в ту блокадную зиму. В ту минуту, когда я вошёл, майор возвращал посетителю его документы — целую пачку, перетянутую резинкой.

— В порядке, — сказал Лухманов.

Я улыбнулся и посмотрел на майора, уверенный, что в моём взгляде читается недоверие и сарказм. — Документы-то, может быть, в порядке, — давал я понять Лухманову, — но это немного стоит. Мы-то знаем это. Можно раздобыть любые бумаги, особенно теперь. Я был тогда но-

вичком и силился продемонстрировать то, что успел усвоить.

Из разговора я понял, что фамилия посетителя Астахов, что один наш сотрудник встретил его в доме на Стремянной, где нащупал гнездо спекулянтов, и Астахов вызвался нам помочь.

— Товарищ Астахов,— сказал майор, поймав мой иронический взгляд, — хочет рассказать нам что-то интересное.

Лухманов потёр глаза и откинулся. А посетитель повернулся в кресле, причём левая рука его выбросилась на лухмановский стол, и заговорил.

— Я служил на Афганской границе. Ошкар слышали? Есть такой городок. Да нет, какой к чёрту городок,— деревня. Представляете? Так вот, в этом самом Ошкаре ловили мы одного басмача — Заур-бека. Фамилии у него были разные, умирал он и воскресал неоднократно и с великим искусством. Работку он нам дал — ай-ай-ай. Песок, скалы, жарница,— представляете? Ну, как мы его ловили, рассказывать не стану, это к делу не идёт, а главное огорчение вот в чём — ушёл он. Был в Ошкаре два дня, рядом с нами, даже зашёл на главную улицу и купил у чеканщика мундштук. Заметьте — мундштук. Пропал Заурбек. Это был первой марки пройдоха и нахал. Я, так сказать, по горячему следу явился к чеканщику. Был, говорит, такой. По всем приметам — он, Заурбек. Что купил? Какой мундштук? Показывает. Всего-то я сделал таких четыре, говорит, с новым узором. Я стою, молчу, злость во мне, представляете, ужасная. Ушёл, гадюка! И вдруг мысль — авось мундштук-то пригодится как примета. Надо только, чтобы никто из посторонних — вы понимаете меня — не взял из этой партии, а значит, нам надо их за-

братъ. Хорошо, говорю, беру все три себе и товарищам. И никому про это — понятно? Вскоре чеканщик, между прочим, умер. Узнал или нет Заур-бек про нашу покупку, я не знаю. Только он мундштук оставил всё-таки себе. Это уж так, если... Если я не ошибаюсь, конечно. А как иначе? Те двое, которым достались мундштуки, — ребята хорошие. Один из Горького, другой, кажется, из-под Житомира или Винницы, или... Ведь четырнадцать лет прошло. Ну-с, и вот прихожу я сегодня в свою комнату. Всё вот так, — он сделал руками вращательные движения, — ящики — вон, бельё из сундука — вон. Вы можете убедиться. И на полу я нашёл это.

Он порылся в кармане и достал небольшой серебряный мундштук, покрытый тонким черно-ватым узором. Лухманов снова потёр глаза, взял предмет и проговорил:

— Занято. А ваш...

— Точная копия, — кивнул Астахов и извлёк из кармана второй мундштук, такой же. — Это мой. Сравните. Представляете?

Где-то недалеко, должно быть у Московского вокзала, рвались немецкие снаряды. Вдрагивали стёкла, внизу затянутые льдом. А на столе майора Лухманова лежали два мундштука, покрытые зубчатым восточным орнаментом, и подкрепляли историю, диковиннее которой мне ничего не приходилось слышать.

— Заур-бек? — спросил Лухманов, ни к кому не обращаясь. — Заур-бек...

— Кто же? Конечно, не на сто процентов, но... Я не досказал. Простите. Перебил вас?

— Нет, пожалуйста, — сказал Лухманов. — Что же он искал у вас, этот бек или просто грабитель?

— Я как раз и собирался... Видите, мне уже

несколько раз предлагали продать кое-какие вещи. Вещи, доставшиеся от бабушки. Она была артистка балета, я бы сказал даже прима-балерина,— так, кажется, говорили прежде. Моя жизнь сложилась невероятно — я мальчишкой оставил родителей.

— Дорогие вещи?

— Не ахти что — камешки разные, пара брильянтов. Предлагали масло, килограмм за всё. Представляете? Но я ещё не дошёл до такой степени. С маслом набивалась одна тётка из нашего дома. Идёт слух,— Астахов обвёл нас глазами,— что какие-то субъекты скупают в Ленинграде драгоценности и переправляют куда-то. Представляете?

Он встал, чтобы поплотнее запахнуть пальто. И когда он стоял, высокий, ссутулившийся, с обвисшими неуклюжими руками, я понял, что передо мной старик. Ему; наверное, лет шестьдесят. Не знаю почему, но это как-то сразу усилило моё недоверие к Астахову, на время усыпленное рассказом. Скорее всего — это просто выживший из ума старик. Старый пограничник? Допустим. Но разве мы так работаем, как они четырнадцать лет назад. Чем он может нам помочь? Что он воображает — Заур-бек, иностранный агент, сейчас в Ленинграде! Чушь. Может, сотни таких мундштуков гуляют по свету. Так я решил про себя — и уже безо всякого интереса ожидал, что ещё скажет Астахов. Я смотрел на него с суровым пренебрежением моей всезнающей двадцатидвухлетней молодости.

— Верно,— произнёс Лухманов. — Враги скупают золото, дорогие камни. Для этого воруют продукты. Гитлеровцы, видимо, опасаются, что ценности в городе могут пропасть. Бомбёжки, по-

жары, возможный штурм... Вчера мы конфисковали у одного молодчика вот это.

Он открыл портфель и подал Астахову крупный, голубым огоньком блеснувший камень. Астахов взял его, подержал на ладони и, на глаз измерив стоимость, сказал:

— Целый дом.

— Завод можно выстроить, — усмехнулся Лухманов, кладя камень обратно. — Сейчас за ним приедут из Госбанка. Товарищ Астахов, вы, разумеется, можете быть нам полезны. Вот сей улыбающийся молодой человек, — он показал на меня, — как раз занимается этими делами. Берите его с собой, покажите всё.

— Молодой человек не нуждается в помощи, я уверен, — проговорил Астахов.

Уловив иронический и даже слегка покровительственный тон в его словах, я сдержанно промолчал. Ты-то, герой, — подумал я, — упустил Заур-бека. А теперь носишься с фантастической идеей поймать его в Ленинграде. Странно, почему майор Лухманов принял всерьёз болтовню этого человека.

— Так вы живёте на Стремянной? — спрашивал между тем Лухманов. — В доме тридцать три? Адрес знакомый, в наших делах фигурировал. Вы готовы, Саблуков?

— Готов, — ответил я подчёркнуто сухо.

— Отлично.

Несколько минут спустя мы шагали по тихой, тёмной улице — я и Астахов. Где-то очень далеко, едва слышно стреляли зенитки — в небе вспыхивали и гасли звёздочки разрывов. Под ногами хрустнуло стекло. Стена магазина была пробита снарядом. Вывеска с надписью «вина, гастрономия» раскололась — остались висеть три буквы

«г», «с» и «я». Из магазина не пахло съестным. Он был давно заколочен.

— С вами мы придумаем что-нибудь, — примирительно сказал Астахов и взял меня под руку.

Я отстранился. Нет уж, я не склонен первого встречного принять в качестве друга и наставника. Правда, я не был уверен, что мне удалось бы — будь я на месте Астахова — изловить Заурбека. Но я мог кое-чем гордиться. Во-первых, я, приехав в Ленинград после ранения, выследил и захватил двух ракетчиков, после чего меня направили в распоряжение майора Лухманова. Во-вторых, розыски пятидесятикаратного бриллианта, что лежит сейчас в потрёпанном портфельчике Лухманова, не обошлись без моего участия. А враг, переправлявшийся через Ладогу под видом эвакуирующегося, запрятал бриллиант очень искусно — в коробку с кремом для чистки летней обуви. Но, посудите сами, кто же станет зимой, в трескучий мороз, класть крем «Сочи» в дорожный саквояж вместе с вещами первой необходимости? Да, наше дело требует таланта, так же как и всякое другое, — думал я. Правда, Лухманов заметил однажды, что талант не качество, а скорее процесс, но я не совсем понял этот афоризм.

На перекрёстке, где снег засыпал ненужные теперь трамвайные пути, Астахов опять взял меня за локоть. Но на этот раз я не отстранился, потому что услышал:

— Та тётка, торговавшая маслом, — пешка. Есть старик один. Лесник зовут его. Фамилия — Лесников.

— Лесник?

— Вам известно?

— Да,— мог только выговорить я. — Слышал что-то.

Тут же я выругал себя. Не должен я выдавать того, что знаю. Всё-таки я обязан быть с ним настороже.

— Лесника я видел один раз на нашей лестнице. Он шептался с той тёткой — Агриппиной Пазутиной. Я осветил их фонарём, они шарахнулись.

— Интересно, — сказал я.

Я попытался произнести это слово небрежно, но ничего не вышло. Слишком захватило меня то, что сообщил Астахов. Я знал Лесника. Я чувствовал, что он связан с шайкой и играет в ней не последнюю роль, но определённых улик не было.

«Астахов всё-таки пригодится,— подумал я.— А вдруг Заур-бек и Лесник — одно лицо».

— Вы бы узнали Заур-бека?

— Никакого сомнения,— отозвался Астахов.— Никакого сомнения, молодой человек.

— Он мог изменить внешность.

— Всё равно. У вас есть табак?

— Я не курю.

— Вы пайнька. В вашем возрасте я... Как-нибудь расскажу вам. Это эпопея.

Я молчал. Обычная моя разговорчивость исчезла, должно быть потому, что я не знал, как себя держать с Астаховым. Конечно, он нужен нам. Я не мог не думать о Леснике, о Заур-беке. И в то же время я был настороже, точно ждал, что вот-вот раскроется какой-то обман. Оттого запомнилась мне со странной тревожащей резкостью и его комната в четвёртом этаже тихого, точно обезлюдившего дома, портрет бабушки — черноволосой танцовщицы в испанском костюме, множество дам в кринолинах и офицеров с бакен-

бардами, отгороженных друг от друга задымлёнными, когда-то блестящими позолотой рамами, а среди них большая картина, повёрнутая лицом к стене.

— Натюрморт, — объяснил Астахов. — Арбузы, ветчина, гуси. Невозможно смотреть. Вы не возражаете — я лягу.

Не раздеваясь, он опустился на диван, заполнив его целиком. Я же сел на подушку, сброшенную с дивана, у раскрытого сундука. Офицеры и дамы, измазанные копотью от железной печки, скорбно взирали на перемешанное в сундуке и вывернутое на пол добро. Я вытащил подсвечник, залитый воском, настольный звонок в виде черепахи, кусок газовой материи с блёстками, затем большую морскую раковину с острыми вытянутыми отростками. Она напомнила мне отцовский дом в Гатчине. Там была такая же раковина. Мне захотелось приложить раковину к уху, как я делал в детстве, веря в то, что она каким-то таинственным образом сохраняет шум прибоя, — но постеснялся, потому что встретился взглядом с Астаховым.

Я положил раковину обратно — положил осторожно и выпрямился. Я устал. Чужие, ненужные вещи утомили меня. Незачем, совершенно незачем в них рыться.

— Хватит и того, что он оставил тут мундштук, — сказал Астахов, зевая.

— Он? — спросил я.

— Да.

— Вы уверены, что тут был один человек?

— И меня ловите, юноша? — засмеялся Астахов и повернулся на бок, отчего диван едва устоял. — Чудно. Давайте-ка лучше подумаем. Знаете, как я поступил бы на вашем месте? Вы — мой пле-

мянник, допустим. Вы идёте к Агриппине и говорите: «Дядя согласен». Откройте отдушник — там комок газетной бумаги. Разверните. Это как раз то, что им нужно. Торгуйтесь. Агриппина пообещает спросить, выяснить цену ещё раз. Понимаете! Это и требуется. Заур-бек вам скорее попадётся на дорожке, чем мне. Мы друг друга знаем, слава богу. Когда нужно будет — вы меня выпустите, так сказать, из засады.

Не совсем хорошо, что Астахов опередил меня. И у меня складывался подобный план. Я ничего не мог возразить. Молча достал я из отдушника свёрток и нашёл в нём пяток мелких бриллиантиков, три брошки с камнями и крест девяносто шестой пробы.

Я сунул всё это в карман, но брошки стали колоть меня, и я прикрепил их к подкладке моей куртки. Затем, сообразив, что бриллианты лежат вместе с носовым платком и ключом от моей квартиры и их легко вытряхнуть, я переложил их в левый карман.

Простившись с Астаховым, я спустился этажом ниже и постучал. Голос за дверью спросил:

— Кто?

— От Константина Ивановича.

Открыла закутанная в платок женщина с сонными, чуть приоткрытыми глазами. На щеке маленькая, глубокая ямка, похожая на оспину.

— Дядя плохо себя чувствует. Он купит масло, — сказал я. — Если вам это подходит...

Я распахнул куртку.

— Что это? — попяtilась Агриппина. — Да мне не нужно. Мне-то ничего не нужно. Я спрошу.

Мы условились встретиться завтра, и я вышел. Спустился до самого конца лестницы, открыл

и с грохотом захлопнул парадную дверь, но не вышел на улицу, а остался стоять в тёмном коридоре. Пусть и эту ночь не придётся спать, но я прослежу за спекулянткой.

Стоял я очень долго и смертельно озяб. Стал шарить в карманах, в надежде отыскать хоть крошки сухарей, но наткнулся на ключ, на острые края золотого креста, на бриллианты и выругался.

А зачем я, собственно, торчу на одном месте? Поднялся на площадку второго этажа. В разбитое окно летел снег. Снежинки поблёскивали в луче огромной холодной луны. По двору шёл человек в полушубке.

Лесник!

Он повернулся, и я увидел бинт, закрывавший половину лица. Стремглав я кинулся на улицу и через ворота — во двор. Мне показалось, что Лесник что-то прячет за пазухой или достаёт.

— Здорово, дед,— сказал я.

— Бывай здоров,— ответил он.

— Что не спишь?

— Спать? Как спать? Вон она, проклятая,— он показал на луну. — Налетят.

Я улыбнулся. Лесник не может успокоиться после первых бомбёжек. Странное дело — спекулянты, всякие жулики, подонки нашего города больше всего боятся бомбёжек и обстрелов.

— Сюда не упадёт,— вдруг зашептал он. — Тридцать три. Ладный номер. Тридцать три.

— Ты о чём?

— Дом-то тридцать три. Вот.

Он, верно, намерен поселиться здесь. Целыми ночами бродит Лесник, разговаривает сам с собой, считает перекрытия, осматривает — прочно

ли. Он ищет дом понадёжнее. Многие считают Лесника помешанным.

— Гляди, что у меня есть, — вдруг засмеялся он и снова полез за пазуху. — Сладкое.

Я невольно подался к нему и получил крепкий удар по голове, упал и едва не потерял сознание. Несколько мгновений я держался на шаткой, скользкой грани между сознанием и обмороком. Когда же способность ясно воспринимать окружающее вернулась ко мне, Лесник мелькнул в дверях, ведущих на чёрную лестницу, и исчез.

Налетев в темноте на ступеньку, я упал. Я ещё слышал его шаги. Потом они стихли.

Цепляясь за перила, я добрался до шестого этажа. Никого. Луна освещала потрескавшийся цемент площадок, заколоченные двери.

Куда теперь? Голова слегка кружилась, я не выпускал перил. К Астахову, — решил я. — Он знает дом лучше, чем я. Дежурной, сидевшей у ворот, я велел не выпускать Лесника. Вьюжный ветер обдал меня холодом, и я застегнул куртку, не спросив себя, когда и почему она расстегнулась.

Астахов не спал. Узнав о моём приключении, он первым делом спросил:

— Всё цело?

— Цело, — сказал я и осёкся.

Брошек на подкладке не было. Значит, Лесник видел Агриппину, узнал от неё, где у меня броши. Существенная улика налицо. Я повеселел, и Астахов тоже.

— Ладно, — сказал он. — Я вам дам ещё, если надо. Идёмте. Я и сам не очень-то знаком со здешней географией. Есть тут один ход...

На площадке второго этажа он толкнул дверь. Она открылась, и мы погрузились в кромешную темноту. Я зажёл фонарь, осветив прихожую

с рогатой стальной вешалкой, коридор, который повёл нас на кухню. Квартира была нежилая.

Подался ржавый засов, и мы вышли на чёрную лестницу.

— Видите. Здесь вовсе не заколочено. Только видимость. Доска прибита, да не к косяку, а... Что это такое? Посветите-ка сюда. А? Что это, по-вашему?

В пространстве между дверьми, поверх ящика с песком, лежал полушубок — полушубок Лесника с оторванной полосой и дырой на плече.

— Здорово,— вырвалось у меня.

— А это что?

Астахов извлёк из кармана полушубка грязный серый бинт. Я сунул руку в другой карман и обнаружил лоскуток бумаги. На нём был крупно написан телефонный номер — Г-2-25-73.

— Здорово,— повторил я. — Бинт. Слушайте, Константин Иванович, это удивительно. Значит, Лесник играл кого-то. У меня один раз мелькнула мысль — может, Лесник и есть ваш Заурбек. Такое творится, что и в самом деле вообразишь...

— Сомнительно. Хотя...

— Что?

— Неужели он опять меня провёл. Вы что-нибудь знаете про Лесника?

— Мало,— сказал я. — Он жил до войны на юге. Судился за воровство.

— Заурбек,— проговорил Астахов,— был мастер менять обличье. Он и накладной бородой не брезгал. Старомодный шпик... Но... мне тоже не верится. Ну, вы, очевидно, доложите обо всём своему начальнику...

— Конечно.

— Заходите.

— Непременно, Константин Иванович.

По дороге к майору Лухманову я мысленно укорял себя. Я сделал ошибку, конечно. Я должен был лучше приглядеться к Леснику. Нелепо было так подставлять голову. Незачем было ускорять события. Попробуй теперь отыскать след. А я подозревал в мистификации Астахова, который так помог мне. Скверно получилось, очень скверно.

Лухманов, к которому я явился с находкой, долго рассматривал полушубок, бинт, что-то записал и сказал:

— Так. Нет больше Лесника. Если человек на виду, в самом проходе оставляет свою маскировку, то он, стало быть, намерен исчезнуть с нашего горизонта. Словно нарочно положил для нас. Видно уверен в себе. Есть укрытие. Похоже, что и записка специально для нас. Чтобы сбить с толку. И с чего это он вдруг обнаглел так! Драться полез! Странно. По-вашему, это телефон — Г-2-25-73? Сомневаюсь. Проверим.

Он перелистал толстую тетрадь в полотняном переплёте и продолжал:

— Этот телефон давно выключен. Номер машины — вот что это такое.

— Машины?

— Да. Сейчас наведём справки.

Он позвонил в автоинспекцию. Оттуда ответили, что под номером Г-2-25-73 числится санитарная машина, совершающая рейсы Ленинград—Кабоны, через Ладожскую ледовую трассу. Машина находится в ведении санитарного управления фронта. Через полчаса мы знали о ней всё. Шофёра зовут Анатолий Петров. Он уроженец Ленинграда, холост, не судился. В настоящее

время он за Ладогой. Послезавтра должен быть в городе.

— Нужно будет пронаблюдать, — сказал майор. — Вы с Астаховым примите участие.

— Слушаю.

— Привыкли к нему? Вы, студент, иногда чертовски некстати покрываетесь иголками. В ежа превращаетесь. Подозрительность и наблюдательность — не одно и то же. Кстати, вы помните, я показывал Астахову пятидесятикаратный бриллиант. Помните?

— Да.

— Зачем я это сделал?

— Допустим, алмаз ему знаком. Он, скажем, сам из той компании, что... Ну, допустим...

— Поехал, — отмахнулся майор. — Вы имели дело с лакмусовой бумажкой? Так. Бумажка окрашивается под влиянием тех или иных веществ и сигнализирует вам — кислота, мол, имеется. Так вот, такой бриллиант — хорошая лакмусовая бумажка, студент. Скажите мне, как вы относитесь к такому камешку, и я вам доложу, что вы за человек. Имейте в виду, нашего советского человека отличает, помимо многих других качеств, отношение к богатству, к ценностям. Каким надо быть мерзавцем, — голос Лухманова стал жёстким, — каким мерзавцем, чтобы здесь, в Ленинграде, в такое-то время наживаться.

— Астахов как раз не очень-то привязан к своему добру, — сказал я, вспомнив брошки.

— Да, конечно, — кивнул майор. — Вы ели? Столовая закрыта. У меня есть для вас сухарь. Возьмите и идите. Сейчас ко мне придут из Эрмитажа.

— Чая у вас опять нет?

— Нет. Вышел весь.

Теперь майор засядет с сотрудниками Эрмитажа. Ведь некоторые экспонаты остались в Ленинграде. Сотрудники придут с длиннейшими списками этих вещей и будут советоваться с майором, где укрыть их от огня, от бомб, как организовать это дело, чтобы не разнюхал враг. А у майора нет крепкого чая. Я знаю, как он устал, как ему трудно работать без чая.

Следующий день прошёл спокойно. А утром, на рассвете, на Кондратьевском шоссе показалась крытая санитарная машина № Г-2-25-73. Вахтенный у шлагбаума проверил пропуск водителя — Петрова Анатолия Петровича, но дверцу кузова не открыл — санитарные машины осмотру не подлежали. Позади, в некотором отдалении, катил поцарапанный газик с пробитым ветровым стеклом. В газике рядом со мной сидел Астахов.

У Финляндского вокзала мы попали под артиллерийский снаряд. Санитарная машина замедлила ход, потом рванулась вперёд — очевидно, Петров решил проскочить. Справа, за каменной оградой, взметнулось грязносерое облако, и тяжёлый грохот потрянул нашу машину. Я крикнул шофёру:

— Нажимай!

И в этот миг ударило ещё раз. Снаряд разорвался впереди санитарной машины, она остановилась, медленно отъехала назад и встала. Новый взрыв — и машина исчезла в дыму. Когда дым рассеялся, мы не сразу сообразили, где машина. Заднюю часть кузова сорвало. Внутри никого не было. Два тёмных продолговатых предмета лежали на снегу. Я сразу заметил их, но не придал им значения. Кинулся к кабине, уверенный, что Петров ранен или убит. Но его только оглушило.

Опираясь на меня, он слез. Он нервно кусал ноготь большого пальца и морщил лоб — точно силится вспомнить что-то. К нам подошёл Астахов.

— Извольте,— сказал он.

Астахов держал в руке два зелёных валика, и тут я понял, что это такое. Я взял Петрова за плечи, потряс и крикнул:

— Откуда это?

Он молчал.

— Ракетчиков снабжаешь,— крикнул я. — Ракетчиков снабжаешь, сволочь!

— Где... где взяли вы?

Он перестал кусать ноготь и смотрел на меня с выражением ужаса.

— Ящик,— сказал мне Астахов. — Масло там и ракеты.

— Идём,— сказал я.

Не отпуская от себя шофёра, я осмотрел всё, что осталось от кузова. Осколок проломил ящик с надписью: «Маслосбыт». Вперемежку со щепой лежали зелёные и красные ракеты и куски твёрдого, как лёд, жёлтого масла.

— Вы побудьте здесь,— сказал я Астахову. — Я пришлю к вам милиционера. Да вот он бежит.

— Отведёте шофёра?

— Да.

— Справитесь? Не сбежал бы.

Вокруг собралась порядочная толпа. Женщины с лопатами, разгребавшие снег, красноармейцы, продавщица в шерстяном платке, дворник. Все они, не сводя глаз, смотрели на шофёра.

— Дай-ка я его хвачу,— спокойно сказала пожилая женщина. — Дай-ка.

Она подняла лопату.

— Он своё получит,— сказал я громко. — Пропустите. Веду арестованного.

Мы пошли. Шофёр ссутулился, вобрав голову в плечи. Но никто не тронул его. Люди шарахались в сторону, давая дорогу, — точно боялись, что он коснётся их. И кто-то произнёс:

— К стенке его... Прямо...

— Знал про ракеты? — спросил я его.

— Нет.

— И про масло не знал?

Он долго молчал, потом ответил:

— Ты грамотный?

— Я вопросы задаю,— сказал я со злостью. — Не ты, а я. Понял?

— Сам читал, коли грамотный. На ящике написано. Как же я не знал,— заговорил он и, глянув исподлобья, прибавил: — Я тебе ничего не скажу. Только уж не тебе.

— Кому должен был передать?

— А никому. Ты веди, знай. Твоё дело вести — ну и веди.

На допросе Петрова я не присутствовал. От Лухманова я узнал потом, что шофёр давал показания охотно. Он уже месяц как работал на Ладожской трассе. В Кабонах сдаёт раненых и иногда берёт в обратный рейс продукты для госпиталя. Получал он их обычно на складе, с накладными — как положено. Но последние два раза ему пришлось ехать за поклажей в другое место — километрах в шести от станции. Это очень трудно. Туда и дороги настоящей нет — место лесное, глухое. В темноте из чащи как-то два парня вынесли ящик и скрылись. Кладовщик, ездивший вместе с Петровым, объяснил — неподалёку разбомбило товарный поезд. Поэтому груз сняли и сложили в лесу.

— Кладовщик остался за Ладогой,— сказал Лухманов.— Он, разумеется, один из шайки. А шофёр, видимо, скрывает что-то. У него нашли план, нарисованный карандашом,— дорога в лесу, крестик, видимо, обозначающий тайник. Тот самый тайник, конечно. Спрашиваю, зачем вам план, если с вами был кладовщик? Откуда план?

— Не знаю,— говорит,— откуда. Понятия не имею.

— Трусит, между прочим, страшно. Уверен, что его расстреляют. Надо съездить туда, Саблуков,— в лес. Он нас свезёт.

— Астахов поедет с нами?

— Да. Предупредите его. Вдруг, чёрт его знает, натолкнёмся на самого Заур-бека? А?

Я поспешил на Стремянную. Долго стучал в знакомую парадную, но никто не отпер мне. С переговорного пункта я позвонил Лухманову и спросил, что делать дальше. Искать Астахова?

— Нечего искать, Саблуков,— ответил майор.— Астахов ранен.

— Ранен?

— На лестнице, когда он поднимался к себе, его стукнули по голове. Вот какие дела.

— Где он?

— Не знаю. Сообщили из жактовского медпункта. Астахова увезли.

С колотящимся сердцем я повесил трубку. Значит, Заур-бек здесь. Кто напал на Астахова? Тот, кому Астахов был опасен,— Заур-бек или его подручный. До сих пор ещё шевелились у меня сомнения — уж слишком всё казалось удивительным. Теперь они исчезли.

— Заур-бек — матёрый шпион, перебивший много имён и многих хозяев,— сказал Лухма-

нов. — Служил и за доллары, и за фунты, и за франки.

Итак, я окончательно уверовал в существование Заур-бека, реального, хитрого, жестокого врага, здесь, в городе, может быть, в нескольких шагах от меня. Невольно я всматривался в прохожих, но как узнать его? Как узнать, если Астахов на больничной койке?

Что же делать? Найти Астахова, узнать у него хоть какие-нибудь приметы, по которым можно отличить шпиона. Нет, Лухманов сказал, что искать Астахова не нужно. Приказ начальника. Да и чем может помочь Астахов теперь? Ведь Заур-бек так ловко меняет маски. Не он ли, в самом деле, разгуливал в виде полусумасшедшего Лесника. Но что-то нужно предпринять.

Нехорошо, конечно, критиковать начальство, но Лухманов, кажется, допустил ошибку. Вместо того, чтобы преследовать Лесника, он занялся санитарной машиной. Я так и скажу ему. Так и скажу, — ошибка, товарищ майор.

Однако ничего подобного я не сказал. В кабинете Лухманова я очень скоро позабыл всё, что собирался выложить. Лухманов был не один. Он представил мне высокого, худого человека с иссиня-чёрной щетиной на впалых щеках.

— Знакомьтесь. Это товарищ Алиев. Он служил бойцом на Афганской границе вместе с Астаховым. Астахов у них командовал ротой. Помните его?

— Помню, конечно, — тихо сказал Алиев и улыбнулся одними глазами.

— Встречался с Заур-беком, — добавил майор. — Видите, студент, а вы приуныли. Небось, хотели бежать к Астахову. И, как всегда,

сомневались во всём. Я перебил вас, товарищ Алиев.

— Я голос Заур-бека знаю, — говорил Алиев, — хорошо знаю. Почему? Я с винтовкой стоял около камеры, когда он у нас сидел. Он убежал потом. Не из камеры убежал — потом, — пояснил Алиев, смутившись. — Четырнадцать лет миновало.

— Голос вы ясно слышали?

— Ясно. Как они вошли, не слышал. Я спал, наверно. Их двое было. В комнату ко мне заглянули. Один спросил: «Откуда взялся новый жилец?». — Заур-бек ответил: «Из разбомблённого дома. Впрочем, какая разница? Долго не протянет». И ушли. И я потом совсем проспался.

Не знаю почему, но Алиеву я поверил. Я верил каждому его слову. Я мечтал о помощнике. И вот помощник явился. Я с восхищением смотрел на Алиева. Если он ещё сможет поехать с нами на Ладогу... Пожалуй, не сможет.

Но Алиев так упрашивал майора взять его, в больших, запавших глазах светилось такое упорство, что Лухманов согласился. Через час мы выехали.

Начался рейс, который врезался мне в память на всю жизнь. Я сидел в кузове санитарной машины — точно такой же, как та, под номером Г-2-25-73, дремал и стучался о стенку. Всё складывалось пока удачно. Некоторое беспокойство вызывал лишь шофёр Петров. Если он уверен, что его расстреляют, тогда на него нельзя очень надеяться. Ещё удержит. Усталость мешала мне додумать до конца — чего ещё можно ждать от шофёра, который ждёт расстрела и везёт следователя.

Алиев начал излагать мне тему своей работы в институте востоковедения, что-то о падежах в арабском языке, но вскоре тоже устал. Он сидел с раскрытым ртом и только, когда машина замедляла ход, было слышно, что он поёт. Он пел бесконечную, протяжную восточную песню.

Я не заметил, где кончилась суша. Но деревьев не стало, за обоими оконцами тёмного, пропахшего овчинами и иодоформом кузова потянулась гладкая равнина с тёмными кругами застывающих воронок. Почти непрерывно гроыхали встречные машины. Изредка зажигались фары — снег искрился, голубел, а затем пропадал, залитый кромешной тьмой. Вдруг мне показалось, что лёд под нами сдвинулся. Я ощутил толчок от разрыва, но, странное дело, не увидел вспышки, ничего не услышал. Где-то рядом оглушительно затрещал зенитный пулемёт. Его яростную скороговорку прервала раз, другой, третий гулкая зенитка, ей тотчас отозвались другие зенитки, и нас точно бросило на дно огромной гремящей камнедробилки. Очевидно, из-за облаков неожиданно вырвались немецкие самолёты. Лёд гудел и дрожал. Огненные вихри носились по равнине. Но мы ещё не чувствовали близкой опасности. Я уразумел её лишь тогда, когда за оконцем, метрах в двадцати, взлетел столб воды. Ещё бомба. Ещё. Толчки следовали один за другим всё чаще, всё сильнее. Было невыносимо сидеть взаперти в тесной душной клетке кузова. Я открыл дверцу. На равнине, полыхавшей красным и жёлтым огнём, выросли и рушились столбы воды, и на их месте очерчивались круглые чёрные проруби. Машина вихляла, меняла скорость, круто поворачивала, и я понял, что впереди — то же самое, что шофёр Петров лавирует среди

воронок, и мне, признаюсь, стало жутко. Что стоит Петрову направить машину в прорубь и спрыгнуть? Мы с Алиевым, конечно, не успеем выскочить, не успеет и Лухманов, хотя он и сидит в кабине. В одно мгновение дело, возбуждённое по обвинению Петрова Анатолия Петровича, будет похоронено в пучине Ладоги, и никто даже не подумает приписать гибель машины и людей злему умыслу. Я велел Алиеву сесть поближе к выходу и всё время коченеющими от стужи пальцами держал дверцу открытой.

Один раз, когда машина съезжала с ухаба, я уже приготовился к прыжку и крикнул Алиеву:

— Поднимайтесь!

Много раз я попадал под бомбёжки и под обстрелы, но мне никогда не было так страшно, как в этот раз. Не знаю, сколько времени продолжалось это испытание. Наконец, как видение оазиса в пустыне, возникли островерхие ели. Машина с натугой взбиралась на берег.

Через полчаса мы проехали станцию и по извиливой, плохо проторённой просёлочной дороге углубились в лес. Машина остановилась, хлопнула дверца кабины, голос Лухманова спросил:

— Что там?

— Бревно кто-то положил, товарищ майор, — ответил Петров. — Как нарочно.

Я соскочил. До меня донеслись ещё чьи-то голоса. Сзади подходил трёхтонный грузовик, что шевельнулось за его высоким бортом. Длинная автоматная очередь прострочила темноту, и я, ещё не понимая, кто стреляет и откуда, ошеломлённо смотрел, как из трёхтонки высыпают люди в шинелях, с автоматами и очередями прочёсывают лес. Помнится, я выхватил наган и тоже

побежал вперёд, нагнулся и лёг у пенька, чтобы перезарядить барабан.

На опушке мелькнули какие-то фигуры. Отстреливаясь, они уходили в лес, и часть наших автоматчиков кинулась в заросли, чтобы перерезать им путь.

Увязавшись за одним из автоматчиков, я долго продирался сквозь частый ельник, по команде солдата падал в канаву, стрелял. Потом выстрелы затихли, солдат, оглядывая снег, сказал:

— Тут следов нет. Айда назад.

Мы проблуждали ещё некоторое время и вышли на поляну, где бойцы уже раскладывали костёр. На поваленном дереве сидели Лухманов, Алиев и молоденький, румяный лейтенант — командир автоматчиков.

Лейтенант докладывал. Противник потерял четверых убитыми. Они оказались гитлеровскими парашютистами. Два раненых диверсанта попали в плен. Они довольно хорошо говорят по-русски. Вся группа была сброшена сегодня вечером со специальным заданием.

— Их было шестеро? — спросил Лухманов.

— Да.

С нашей стороны двое были ранены и один — шофёр Анатолий Петров — убит. Когда гитлеровцы, вышедшие на дорогу, начали стрелять, Петров, стоявший рядом с майором Лухмановым, подался вперёд и получил пулю в грудь. Похоже, что он хотел загородить собой Лухманова.

— Так или иначе, погиб он, как солдат, — сказал Лухманов, глядя в костёр. — С оружием в руках.

— С оружием? — воскликнул я.

— Да. Я дал ему оружие, когда мы въехали на берег. Он заслужил это.

— Мне вы не дали оружия,— вздохнув, произнёс Алиев. — Вы обидели меня.

Лухманов улыбнулся.

— Вы ещё так слабы...

— Очень, очень обидели,— повторил Алиев.

Что-то хрустнуло в этот момент. Нет, не ветка в огне. Позади. Я инстинктивно обернулся. Из ельника, в немногих шагах от нас, высунулась чья-то голова, блеснула сталь.

Не раздумывая, я выхватил из костра горящую еловую ветвь, с размаху швырнул её в незнакомца и вскочил. Он не успел выстрелить. Я разрядил всю обойму, не попал и увидел, что бандит медленно, как бы нехотя, поднимает руки. Бойцы наставили на него автоматы. Срывающимся голосом бандит проговорил:

— Я... я не узнал вас.

Отблеск костра упал на его лицо, и я вздрогнул от неожиданности.

— Астахов! — крикнул я.

— Нет, не Астахов,— тихо сказал Алиев. — Здравствуй, Заур-бек.

* * *

— Не огорчайтесь, студент,— сказал мне на другой день Лухманов... — Из вас выйдет разведчик. Главное — ищите лакмусовую бумажку. Учитесь распознавать человека из чужого мира. Я не сказал вам, что я заметил, когда показывал Заур-беку алмаз, я вообще не хотел отпугивать его. Он притворился, будто не знает настоящей стоимости камня. Но глаза у него загорелись. Играл роль хорошо, ничего не скажешь, даже голодать пытался, а как подержал на ладони целое состояние, не выдержал. Прорвалась всё-таки, стяжательская душонка. Нет, это не быв-

ший пограничник Астахов, подумалось мне. Стал проверять. Словом, я принял гипотезу — если Астахов — враг, то враг не простой, изобретательный. Оставалось выяснить самое существенное — для чего понадобилось Заур-беку втираться к нам в доверие? Ведь он рисковал, когда явился со своими двумя мундштуками.

Конечно, первой заботой его было отвести от себя угрозу тогда, в самом начале, когда к нему явился наш товарищ, выслеживавший спекулянтов. Их следы вели к дому на Стремянной, спекулянты бывали у мнимого Астахова и его — матёрого волка — охватил двойной ужас и досада. Засыпаться, да ещё из-за небольшой сделки со скупщиками! А у него были широкие планы. И вот тогда-то, очевидно, ему и пришло в голову навязаться к нам в помощники. Он выложил нашему товарищу историю с мундштуками, тот доложил мне, я велел пригласить Астахова и, как вы видели, не стал отпугивать его недоверием и, больше того, — приставил к нему самого юного работника, то есть вас, Саблуков. Не обижайтесь. И враг, без того уверенный в скорой победе фашистов, в конец распоясался. Он решил завлечь нас в ловушку. Он тонко делал это. Он следил за вами. Он подсунил в полушубок своего помощника — Лесника записку с номером машины и помог Леснику удрать. Заур-бек хотел заманить нас в лес, выведать у нас под пытками, где укрыты ценности Эрмитажа, Русского музея, убить нас, а затем — с этими сведениями и с грузом награбленного золота и бриллиантов — перейти линию фронта, завершить свою шпионскую карьеру, купить землю... Да, негодяй мечтал завести усадьбу и разводить тюльпаны! На помощь ему был спущен парашютный десант.

У Заур-бека была своя логика. Жаль, вы не присутствовали на допросе. С ним вместе — семеро, с нашей стороны, по его мнению, должно было быть двое. Вы и я. Шофёра он считал своим союзником. Понятно, он не ожидал увидеть ни автоматчиков, ни Алиева. Людей наших враг не знал. Не раз шпионил против нас, а не знал. Не в силах был понять их. Не мог вообразить, что шофёр Петров повернёт против него. Что найдётся в голодном, мёрзнувшем городе обличитель Алиев. Где же Заур-беку, человеку без родины, не знающему любви к своему народу, понять всё это? Думал, что уйдёт безнаказанным и с добычей. Самонадеянный негодяй. В последний момент попытался разделаться с нами автоматной очередью.

— Так Алиев, значит, — начал я.

— Алиева разыскал я, — сказал Лухманов. — Я застал его почти умирающим, но вы бы видели, как он оживился, когда узнал, что я хочу от него. Мы поместили его, под видом переселенца из разбомблённого дома, в квартиру рядом с астаховской. Заур-бек не мог его узнать, но пограничник Алиев запомнил, узнал старого врага.

— А где Лесник?

— Лесника он выдал на допросе.

Лухманов отхлебнул кипятку из кружки, погрыз сухарь и поманил меня пальцем:

— Смотрите, я записал его слова «Операцию было предложено закончить в январе, так как в феврале возможен штурм города...» Они не оставили мысли о штурме. Ну, рассказывайте, что нашли на квартире у Заур-бека.

Я положил на стол список изъятых предметов — два револьвера с патронами, радиопередатчик, вмонтированный в плиту на кухне, кило-

граммов восемь разных продуктов. Лухманов улыбнулся и спросил:

— Больше ничего?

— Ничего.

— Никаких сувениров у вас не осталось от Заур-бека? Вспомните-ка.

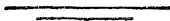
Я вспомнил и густо покраснел. Чёрт, как я мог забыть? Смутившись, я стал выкладывать из кармана мелкие, блестящие камешки. Нашупав там же батарейку от электрического фонаря, я зачем-то извлёк и её и положил на стол, поверх кучки бриллиантов.

— Честное слово, вылетело из головы, товарищ майор, — пробормотал я.

— Верю, верю, Саблуков, — засмеялся он. — Таскать с собой целое богатство и не вспомнить о нём. Это похоже на вас, товарищ Саблуков. Хотя, позвольте, позвольте. Посмотрим, велик ли в них прок, — и он поднёс к камням лупу. — Так и есть, — закончил он и смахнул камни в корзину.

— Товарищ майор...

— Они фальшивые, — сказал Лухманов. — Они не дороже стекла. Иначе, дорогой мой, Заур-бек вряд ли оставил бы их у вас.

К Л Ю Ч

1.

Я, Саблуков Андрей Платонович, родился в 1920 г., в Гатчине, под Ленинградом. В 1938 году, после окончания средней школы, поступил в Академию Художеств. В июле 1941 г. ушёл на фронт и приобрёл специальность разведчика. Потом был ранен...

Впрочем, — к чему вам моя автобиография. Никакого интереса она не представляет. И не потому я начал так, что хотел выпятить свою личность. Просто — не привык я рассказывать о нашей работе.

Назвать-то следовало прежде всего полковника Лухманова. Вот кому принадлежит главная заслуга в этом деле! Что же касается моей роли, то она более чем скромная. Именно Лухманов дал первый толчок поиску, — в тот день, когда я вернулся из командировки в Алуksне. Он обратил моё внимание на детали...

Но теперь я, кажется, рискую завязнуть в длинном предисловии. Перейду к сути. Вот здесь под рукой у меня старый альбом с зарисовками, — он поможет мне собраться с мыслями и изложить всё по порядку. Некоторые зарисовки сделаны во время той, первой командировки. Как

и всякого приезжающего, в Алуksне меня потрясла красота бухты, красота спокойная, северная. Она не сразу открывается вам. Мой набросок, разумеется, не даст вам надлежащего представления. Побывайте там сами, полюбуи́тесь на гигантские дюны — золотые в солнечный день, на сосны — такие сочнозелёные на фоне песка. С дюн, как на карте, видна вся бухта — полукруглая, словно вычерченная циркулем.

Не скажу, что в Алуksне у меня было много лишнего времени. Но всё-таки до отхода обратного поезда часа полтора нашлось, и я попытался запечатлеть пейзаж на бумаге. Заметьте, — почти на самой середине бухты из воды торчит мачта. Когда ветер дует с суши и гонит воду из бухты в открытое море, показывается и труба затонувшего парохода.

Это — «Меридиан». Некогда он носил на себе людей, занятых обновлением карт и лоций. Судя по тому, как меняется в этих местах фарватер, как быстро исчезают и наращиваются банки, «Меридиану» немало пришлось поплавать. В начале войны на его бортах и крыше мостика появились яркокрасные кресты. Гидрографическое судно сделалось госпитальным. Это не спасло его от фашистских бомб. Вместе с «Меридианом» ушли на дно три десятка раненых советских моряков.

После войны были здесь водолазы, осмотрели судно и нашли, что восстановить его нельзя. Разве только на лом годится изуродованный корпус. Так и остался здесь «Меридиан» — напоминанием о тяжёлой године, надгробием для матросов и офицеров, погибших на нём.

Кое-кто с «Меридиана» пробовал спастись вплавь. Но побережье было уже захвачено вра-

гом. В Алуksне обосновался гитлеровский комендант, капитан Зайдель. Впоследствии он был заочно приговорен советским судом к смертной казни за свои зверства.

В поезде, на обратном пути из Алуksне, я начал набрасывать физиономию Зайделя. За точность не поручусь — внешность этого негодяя известна мне лишь со слов одной женщины, дежурной в Доме колхозника, где я остановился. Зайделя-то она запомнила! Его тонкие сухие губы, которые он постоянно облизывал, пудру на щеках, кольца на костлявых пальцах — всё это вдавила её в память сила ненависти. Зайдель замучил её сына. В тряском вагоне узкоколейки трудно было рисовать, но фигура гитлеровца стояла передо мной, как бы освещённая гневом пожилой женщины, матери партизана. И когда я водил карандашом, у меня было такое ощущение, точно я столкнулся с врагом лицом к лицу.

Кому как, а мне рисование несколько не мешает думать. Напротив — нередко помогает. С раскрытым альбомом на коленях я подводил итоги своей командировки в Алуksне. Обнаружено ещё одно преступление гитлеровских оккупантов — быть может, самого Зайделя.

До сих пор ничего не было известно о судьбе раненых, которые прыгнули с тонущего «Меридиана» и выбрались на берег. Народная молва утверждала, что они попали в руки врагов. Но точных данных не было. Теперь завеса как будто приподнялась. Землекопы рыли котлован и нашли останки трёх человек. Судя по обрывкам одежды, один был офицером. Все в Алуksне говорили в один голос:

— Это раненые с «Меридиана».

Я спрашивал, откуда такая уверенность. Мне объяснили, что на месте котлована стоял дом кулака Карху. Моряков закопали у самого дома. А в первые дни оккупации — как раз во время гибели «Меридиана» — у Карху размещался Зайдель со своими подручными.

На следующей странице альбома вы увидите дюжего парня, круглолицего, со свисающими на лоб волосами. Это один из грабарей, нашедших могилу. Меня поразила чудесная детская улыбка этого великана, и я старался уловить её, когда рисовал портрет по памяти — в вагоне. Почти всегда на лице грабаря была если не улыбка, то отблеск её. Когда же исчезал и отблеск и парень становился совсем серьёзным, невольно думалось, что не поздоровится тому, кто попадёт под его ручищу. Сидя у края могилы, грабарь сказал:

— Эх, жаль, удрали злодеи!

— Плачет петля по ним, — отозвался другой грабарь.

Они пришли в Алуksне на строительство рыбокомбината. На берегу, за дюнами, уже поднялись стены цехов, а здесь, на месте усадьбы Карху, будут коттеджи рабочего посёлка. Строители радовались тому, что война позади, что мирная жизнь снова расцветает на родном побережье, — и вдруг находка в котловане словно отбросила их назад. Оглядывая их, я видел, — каждый думает сейчас и о своих пережитых бедах. Я вспомнил мать, погибшую в Ленинграде во время блокады. Да, в самом деле, тяжело сознавать, что многие преступники ушли от кары и, больше того, продолжают действовать против нас.

— Зайдель, например, жив-живёхонек, — думал я. Он обосновался в Западной Германии и служит новым хозяевам. Попрежнему у него шайка подручных. И, быть может, сейчас какой-нибудь из этой шайки пробирается к нашей границе.

Как вы, наверно, догадались, я ездил в Алуksне не только для того, чтобы дополнить список злодеяний коменданта Зайделя. Полковник Лухманов послал меня с заданием — попытаться выяснить имена погибших. Но это оказалось нелёгким делом. Документов, конечно, не было. Между тем, если не бумаги, то обложки могли бы уцелеть. Но, очевидно, документы остались в руках у гитлеровцев. И значит, тем более важно найти хоть какие-нибудь признаки, позволяющие установить личность. Ведь Зайдель мог пустить в ход захваченный документ, снабдить им лазутчика. И как знать, возможно, этот лазутчик и теперь находится на советской земле.

— Есть основание предполагать, — сказал Лухманов, напутствуя меня, что Зайдель оставил у нас «корешки». Поэтому не упускайте ни одной детали. Как писал один восточный поэт: «Не всякое тёмное пятно в пустыне есть тень камня. Иногда это — притаившийся тигр». Пусть иная деталь кажется вам мелкой, ничего не значащей, — не отбрасывайте её. В дальнейшем она может вам открыть многое.

В меру своих способностей я старался выполнить это указание.

Приехал я в воскресенье и не хотел тревожить Лухманова, но он сам позвонил мне.

— Ничего срочного нет, — сказал я. — Отдыхали бы, товарищ полковник.

— Что-нибудь привезли?

— Кое-что. Очень мало.

— И то хорошо, — сказал он. — Жду вас.

Когда я вошёл к нему... Впрочем, я ещё толком не познакомил вас с Лухмановым. Внешне он ничем не примечателен. Говорят, что профессия накладывает отпечаток на человека. Лухманов, по-моему, представляет исключение из этого правила. Пожалуй, его скорее можно принять за учёного. Да, за учёного, — особенно когда он у себя дома, в своей комнате, где со всех четырёх стен смотрят плотные шеренги книг, а на столе громоздятся тетради с выписками. Тут и синие ученические тетрадки и толстые конторские книги, которые Лухманов особенно любит. Он не пропускает ни одной новой книги по марксистско-ленинской теории, по истории, следит за художественной литературой, за критикой. И вот что самое удивительное, — как он находит на всё время!

Впрочем, когда я вошёл к нему, он не читал. Две девочки-близнецы — Таля и Зоя — забралась к нему на колени, заставив отложить томик Фадеева.

— Ну вот, зайчика вам нарисует дядя Андрюша, — сказал он со смехом, завидев меня. — Попросите его.

Девочки тотчас подбежали ко мне. Но в это время строгий женский голос за перегородкой произнёс негромко:

— Пора спать.

Словно ветром их сдуло. Мы остались одни с Лухмановым. Он пристально разглядывал мой вещественный отчёт о поездке — маленький, потемневший металлический кружок. На нём едва проступала фигура спортсмена, подбрасываю-

щего мяч. Это был призовый жетон — награда волейбольной команде, завоевавшей первенство.

— Больше ничего? — спросил Лухманов.

— К сожалению, всё, — ответил я. — И то странно, как жетон сохранился. Верно, гитлеровцы не заметили его при обыске. Все личные вещи, не говоря о документах, они отобрали у моряков.

— Ясно, ясно, — сказал Лухманов, поворачивая кружок в пальцах. — Он много радости доставил кому-то. Кому — вот вопрос? Надо выяснить, Саблуков.

Следующий мой разговор с Лухмановым по этому делу состоялся недели через две. Всё это время я наводил справки. Я узнал, что жетон был выдан в 1940 году команде военно-морского училища имени Фрунзе. Запросили данные обо всех участниках соревнований и остановились на одном — Сергее Казанцеве. Он был призван в начале войны на Балтийский флот, дрался с немцами на острове Саарема, затем, как сообщали официальные источники, пропал без вести. Вероятнее всего, что именно он попал в лапы Зайделя. Затем я, следуя инструкции Лухманова, принялся разбирать бумаги гестаповского архива, захваченного нашими войсками при наступлении.

В этом архиве хранились донесения и из комендатуры в Алуksне, и можно было ждать, что в каком-нибудь из них найдётся упоминание о Казанцеве.

Развязывать затхлые, пахнувшие горькой, ядовитой плесенью папки, разбирать писанину всевозможных гитлеровских чинуш — занятие не очень весёлое. К тому же, немецкий язык я знаю неблестяще и нередко тонул в длинных, тягучих, тяжёлых фразах, как в болоте. Пять дней

прошли впустую. Однако надежда на успех не покидала меня. Почему? Должно быть, потому, что я глубоко, с юношеской восторженностью верил Лухманову. Не зря он направил меня на эти поиски! И, может быть, в конечном итоге кровь младшего лейтенанта Казанцева и его двух товарищей не останется без отмщения! Эти мысли поддерживали меня. Какова же была моя радость, когда на листке, густо, дочерна заполненном машинописью, вдруг возникло — «Казанцев». Я перечитал несколько раз, сомнений не было.

«Список вещей, изъятых у расстрелянного Сергея Казанцева», — стояло в заголовке. Резолюция сверху гласила — «полковнику Штадтлер вместе с предметами». Уцелел картонный ящик, приготовленный для доклада начальству. Я разложил на столе вещи, пронумерованные согласно описи, — перочинный нож с кривым лезвием, сильно сточенным, носовой платок без инициалов, автоматический карандаш, простой портсигар из карельской берёзы с проломленной крышкой. Тускло, невесело выглядели эти предметы, принадлежавшие когда-то молодому человеку, который смеялся, мечтал о будущем, брал призы на соревнованиях по волейболу. Я сверил содержимое ящичка с описью, и мне бросилось в глаза, что двух вещей не хватает.

«Ключ» — стояло в перечне под номером третьим. Но никакого ключа не было. Не было и неотосланной записки Сергея к товарищам по части.

После этого я ещё дня два поработал в архиве, пока не просмотрел все бумаги из комендатуры Зайделя: Казанцев больше не встречался мне. Зайдель в своих реляциях обстоятельно и напы-

шенно распространялся о мерах, предпринятых им против партизан, раза три упоминался кулак Петер Карху как «дружественно настроенный местный житель» и автор доносов. Вот и всё.

Впрочем, что ещё ожидал я найти? Я сам не знал. И всё-таки ощущение неудовлетворённости, досады донимало меня. Я мечтал об открытии, о неожиданном открытии, которое могло бы не только пролить свет на события прошлого, но и осветить следы врагов, действующих сегодня.

— Похвастаться нечем, — сказал я Лухманову. — Единственное, что удалось сделать, это получить подтверждение, что один из трёх убитых моряков действительно Казанцев.

Затем я доложил насчёт ключа и записки. Может быть, Лухманову эта деталь скажет больше, чем мне.

— А ваше мнение? — спросил он.

— Предметы затеряны, вероятно. Что за ключ — неясно. Гадать трудно, товарищ полковник.

— Не так уж важно, какой ключ, — ответил он, — от двери или от шкафа.

Полковник встал, захлопнул окно. Тарахтенье грузовика во дворе отдалилось, в кабинете стало тише. Лухманов медленно прошёл к столу, повернулся ко мне, я увидел, что глаза его оживились.

— Вы имеете представление, кто такой отец Казанцева?

— Он инженер, — ответил я.

— А какой инженер? Я навёл справки, пока вы сидели в архиве. Василий Павлович Казанцев — старший научный сотрудник исследовательского учреждения. Он выполняет секретное задание, очевидно, важное. Можем мы утверж-

дать, что вражеская разведка не интересуется инженером Казанцевым, что она не хочет познакомиться с ним, не ищет путей, чтобы втереться в доверие к нему?

Я согласился, что это весьма возможно. Лухманов продолжал:

— Конечно, ключ могли потерять. Но почему именно ключ? Это не такой же предмет, как все. Карандашей, платков таких же точно можно найти множество. Ключ — особая статья. Он ведь отпирает один определённый замок. На нём — как бы печать владельца. Предъявить ключ в доказательство вашего знакомства с Сергеем Казанцевым можно, остальное — не годится для этого. Конечно — может и потерян. Тогда и голову ломать нечего. А если нет? Если он остаётся в чужих руках? Будем делать выводы.

Ещё часа полтора длилась наша беседа. А через несколько дней я отправился в новую командировку — к Василию Павловичу Казанцеву.

2.

Тяжело говорить с матерью о погибшем сыне. Тяжело, потому, что каждое твоё слово болью отдаётся в её сердце и ничем этой боли не облегчить. Время бессильно перед ней. Я начал с того, что был в Алуksне, видел могилу. Оказалось, Анна Григорьевна сама собирается туда. Она порылась в сумочке, показала извещение.

— Теперь хоть знаем, где он, — сказала она. — Вот в это время он ушёл, в конце июня. Товарищ с ним был, Виктор, фамилии не знаю. Их на один корабль назначили. По пути на вокзал зашли.

Со стены на меня смотрел портрет Сергея. Что-то стремительное, нетерпеливое было в выражении глаз, во взлёте бровей, словно для него слишком долго тянулись секунды выдержки фотоаппарата. Не терпелось сорваться с места! Только этим выражением лица он похож на свою мать.

Невысокая, седая, очень подвижная, она доставала из туалетного столика карточки Сергея, снова и снова благодарила меня за то, что я зашёл.

Не без волнения задал я приготовленный вопрос.

— Ключ? — встрепелась она. — Ах, конечно, как же! Серёжа взял ключ. Он сказал — не беспокойся, мама, мы скоро разобьём фашистов, всё будет в порядке, вот увидишь. Я не оставляю ключ от квартиры — видишь, мама. Я беру его с собой. Да, да, он унёс ключ с собой. Ключ от нашей прежней квартиры на Некрасовской. А где он? Его нашли? Он у вас?

Что ответить на это? До сих пор я открыл ей половину правды. Я поведал ей о списке, сохранившемся среди гестаповских бумаг. Почему не сказать всё до конца? Я знал, Казанцевы — честные советские люди. Знакомство с Анной Григорьевной, пусть короткое, только утвердило меня в этом мнении. Лухманов велел мне решать на месте. Что же, решение принято. И я сказал Анне Григорьевне, что ключ Сергея, возможно, находится в распоряжении иностранной разведки и если он не был пущен в ход до сих пор, то это может произойти теперь. Положим, явится кто-нибудь, станет выдавать себя за боевого товарища Сергея, принесёт в доказательство его вещь...

Должно быть, я от смущения изъяснялся слишком длинно, потому что она схватила меня за руки и прервала:

— Понимаю вас.

— Вот и прекрасно,— сказал я обрадованно.— Вы тогда немедленно дадите нам знать.

— Как же иначе, господа, — заволновалась она. — Вы бы сразу...

— И Василия Павловича предупредите. Но никого, кроме вашей семьи.

— Поняла, поняла. Вы ему сами скажите... Господа, да неужели мы допустим... Вася собственными руками подлеца...

— Собственными не стоит, — успокоил я. — Наши покрепче. Вы только предупредите. Я не сомневался, Анна Григорьевна, что вы можете нам.

— И вам и себе, всем нам, — просто ответила она. — Дело общее. Нет, до сих пор не было случая, чтобы... Может, и пробирался к нам какой мерзавец, да не добрался. Мы ведь в Челябинске жили.

Оказывается, Василий Павлович до августа 1941 года работал на судовой верфи, где строились торговые и военные корабли. Но затем оборудование верфи эвакуировали, а он сам с семьёй уехал в Челябинск. Там он преподавал механику в политехническом институте. Если у иностранных разведок вначале и было намерение сунуться к нему, то вскоре они должны были отказаться от этого намерения — теоретическая механика, которую читал студентам Василий Павлович, вряд ли могла их привлечь. Правда, он по вечерам продолжал свои изыскания, начатые в лаборатории судовой верфи. Продолжал, потому что, как и все советские люди, верил в победу, верил в то,

что его труд пригодится для будущих кораблей. Но где было фашистам догадаться! Самодовольные гитлеровцы воображали себя в то время хозяевами мира. Так складывались мои мысли, пока я слушал Анну Григорьевну.

Вернулись Казанцевы из эвакуации летом 1944 года. Тогда-то и начал Василий Павлович опять работать в своей лаборатории.

Итак, часть наших предположений получает почву. Но тут я почувствовал досаду. В итоге мы всё-таки обречены на ожидание. На пассивное ожидание.

— Одна сослуживица Серёжи ходит к нам, — вдруг услышал я. — Тоня Луковская.

Понятно, я насторожился:

— Сослуживица? Давно ли она обнаружилась?

— В прошлом году, как назначили её сюда. Да вы не думайте, за неё я ручаюсь. Она санитаркой была у них там, когда они дрались на островах.

— А раньше вы знали её?

— Нет. Да за неё я ручаюсь... Вы не воображайте, пожалуйста.

«Всё-таки следует проверить, что это за санитарка», — подумал я.

Кстати, представился случай. Анна Григорьевна решительно заявила, что я буду обедать у них. Тоня тоже зайдёт. Она почти каждый день бывает здесь.

— Нет, не ради меня, старухи, — прибавила она и не договорила.

Было условлено, что я буду представлен за обедом как бывший ученик Анны Григорьевны. Она и теперь преподаёт в средней школе.

Василий Павлович Казанцев оказался богатырём почти двухметрового роста. Обыкновенная ложка в его ручище, тарелка перед ним казались игрушечными. У этого богатыря был, впрочем, тихий, певучий голос. Как глава рода восседал он за длинным столом, вокруг которого собрались домочадцы и гости. Дочь Лидия с мужем-танкистом и двумя мальчиками, младший сын Казанцевых — Анатолий. В нём ничего не было общего с Сергеем, — хмурый, с невыразительным, сонным лицом, он несколько оживился, узнав, что я художник, и спросил:

— Что это вам даёт?

— В каком смысле? — спросил я.

— В смысле вот этого, — усмехнулся он и перед самым моим носом сделал движение пальцами, означающее деньги.

Не понравился мне этот молодой делец.

Василий Павлович начал разговор о грибах, и ему вторил щупленький, длинноволосый человек, сидевший справа от меня. Хозяин и хозяйка звали его исключительно по фамилии — Федюшкин.

— За Ширяевым боровички есть, — говорил хозяин. — В воскресенье мы с Федюшкиным выходим, значит, в экспедицию. Надо будет в осиннике поискать. Там канава есть — в лесу, за совхозным выгоном. В канаве, глядишь, и торчат.

— Натаскает пуды, а сам не ест, — пожаловалась Анна Григорьевна.

— Действительно, я их не ем, а собирать люблю, — отозвался он, обращаясь ко мне. — Ну, да в здешних краях небогато. Вот у нас в Ярославской области! Возле нашей деревни болото — Великая Чисть, и через него вал тянется, ледником насыпанный, вал шириной метров до

ста пятидесяти. Вот где грибов! Возами вывозили!

Частенько я поглядывал на дверь, дожидаясь появления санитарки.

— Придёт, придёт, — шепнула мне Анна Григорьевна. — Стесняется она. Я, говорит, и так у вас в нахлебниках. Верно, после обеда заглянет.

Наконец, когда за столом оставались только хозяин и Федюшкин, спорившие, какую погоду предпочитают боровики, вошла молодая женщина, — загорелая, в очень ярком платье.

— Покушали? — произнесла она непринуждённо. — Вот и хорошо.

Я посмотрел на Луковскую, и что-то показалось мне знакомым в ней. Словно бы, я где-то видел её или человека, очень похожего на неё. Но я ничего не мог припомнить. И в следующую минуту понял, — всё дело в моём воображении. Внешность у Тони Луковской отнюдь не оригинальная. У многих такая манера взбивать волосы, красить губы.

К величайшей своей досаде, я не успел обменяться с ней и двумя словами. За дверь, ведущей в комнату Анатолия, послышалось:

— Тоська!

Она скрылась за дверь. Анна Григорьевна неодобрительно сжала губы.

— Грубый он, — вздохнула она. — И в кого такой — не знаю.

Неприятнь моя к Анатолию коснулась и Луковской, и насторожённость, поднявшаяся во мне, усилилась. Однако в тот вечер мне не довелось поближе познакомиться с Луковской. Волей-неволей я вынужден был довольствоваться лишь тем, что сообщила о ней Анна Григорьевна.

— Она на передовой была с ними. Сережу ра-

нили два раза — в бедро и в голову. Серёжа не хотел ложиться; чуть не силой заставили его. Тоня его и на пароход провожала. Что между ними было, мне неизвестно, а только они, видно, подружились, и Серёжа ей адрес свой дал, когда прощался, чтобы встретиться после войны. А пароход-то не дошёл до места назначения... Всё же Тоня решила навестить нас, когда получила здесь должность. Она ведь университет окончила, теперь врач. Ну, мы вообще рады гостю, а тем более такому. Ни у меня, ни у Васи этого нет, чтобы людей сторониться. А с Анатолием, — вдруг прибавила она, — ничего у неё не склеится. Ему разве такая нужна? Его надо крепко взять в руки. А она не умеет.

Я не стал больше спрашивать и попросился. Насторожённость или, лучше сказать, ощущение близости врага не покидало меня, когда я шагал в гостиницу по узкой, затенённой деревьями улице.

Впоследствии выяснилось, что в морской бригаде на самом деле была санитарка Луковская. Она участвовала в боях, имеет награды. Дальше этого поиски, начатые в Алуksне, не повели.

3.

Шли месяцы. Лухманова повысили по службе, но я попрежнему работал с ним в тесном контакте. В ноябре моряки-пограничники задержали...

Впрочем, расскажу по порядку. Катер, которым командует лейтенант Троян, нёс дозор за мысом Антси, километрах в пятидесяти южнее Алуksне. По ту сторону морской границы, в международных водах, маячили иностранные мотор-

но-парусные суда, на вид промысловые. Разумеется, моряки не спускали с них глаз. В бинокль видно было, как с бота забрасывали сеть, вытягивали её лебёдкой. Иногда наши моряки даже определяли размеры улова. Наконец, суда стали удаляться и скрылись. Троян приказал, однако, не ослаблять наблюдения. Через несколько часов вахтенный матрос заметил при свете прожектора бревно на поверхности воды. Сдавалось, что оно плывёт быстрее, чем обычный плавник, влекомый течением. Вытащили бревно, а затем и человека, державшегося за него.

Два чувства отразились и застыли на его физиономии — удивление и злоба. Должно быть, он никак не ожидал, что его плавание к советскому берегу потерпит такой крах. Он, видимо, твёрдо верил в качество своего снаряжения, сработанного в Америке, в свою ловкость и считал успех обеспеченным.

Он сидел передо мной, нервно подёргиваясь.

Сидел и упрямо молчал.

Видал я таких. Если бы его поймали на борту судна, он стал бы уверять, что он рыбак или турист, что он потерял ориентировку в тумане, заблудился. Но его выволокли из воды. У него нашли багаж, не оставлявший сомнений в целях его путешествия, — липовый паспорт на имя Коневского, оружие, карту и объёмистую пачку советских денег.

— Я знаю, почему вы молчите, — сказал я. — Придумываете какую-нибудь ложь, чтобы вылутаться. Не поможет. Лучше выкладывайте всё. Кому эти деньги?

— Не знаю.

— Ложь.

— Не знаю, — процедил он.

На другой день он стал более разговорчивым. Признался, что никакой он не Коневский. Он — Ханс Эйдем, датчанин, живший до войны в Риге. К нам пожаловал из Западной Германии.

— Профессия?

— Я служащий фирмы. Я мирный человек.

— Вот как, — усмехнулся я. — Какая же фирма вас послала?

— Техническая контора Кромби.

— Где такая контора?

— В Бонне.

— Зачем вас послали?

Помедлив, он выговорил:

— Передать деньги.

— Кому?

— Не знаю.

— Ложь.

— Не знаю, — повторил он. — Меня не касается. Я должен был положить деньги в условленном месте.

— В каком?

— В лесу. В дупло.

— А затем?

— Больше ничего. Я очень маленький служащий, я не знаю — кому.

— Так. Сунуть в дупло и уйти? — спросил я. — Воображаете, что я поверю такой чепухе?

Но лазутчик твердил своё. Полковник Лухманов, которому я доложил об итогах допроса, сказал:

— Врёт. Открыл часть правды, чтобы легче было скрыть остальное. Вы слышали о Кромби? Нет? Ну, в следующий раз, когда он начнёт разглагольствовать насчёт технической конторы, вы сможете поправить его. Кромби — американский

майор, предприниматель и обер-шпион. Шпионаж — главный его бизнес. Вот, пожалуйста.

Раскрыв одну из своих папок, он протянул мне вырезку из немецкой газеты. Повидимому, автор корреспонденции бежал из Западной зоны в Германскую демократическую республику, бежал, полный ненависти к американским оккупантам и стремления разоблачить этих лютых врагов мира в свободной печати. Героем статьи был не кто иной, как майор Кромби, — хозяин пойманного нашими моряками нарушителя. Обстоятельно перечислялись богатства Кромби — его виллы, собрания награбленных и скупленных за бесценок картин, фарфора, приёмы в его особняке, на которых он позволял себе отпускать сентенции вроде: «Зачем нашим парням класть голову в огонь, если есть европейская шваль, довольствующаяся к тому же небольшой платой».

— Видите, Саблуков, — сказал мне Лухманов. — Наши враги даже там, у себя, за рубежом демократического мира, не могут орудовать безнаказанно. Таковы нынче времена. Всюду есть люди, обличающие вот таких Кромби. Вспомните того англичанина, который опубликовал попавшие ему в руки записки американца Гроу — бывшего военного атташе в Москве. Какой был скандал для заговорщиков-янки! Весь мир узнал, как атташе Соединённых Штатов ездил по Советскому Союзу и выискивал цели для бомбометания.

На следующем допросе я попытался уличить лазутчика во лжи.

— Ваша контора, — сказал я, — не техническая, а шпионская. Кромби вас не выручит. Облегчить свою участь вам удастся только полным признанием.

Он злобно встретил мой взгляд.

— Я всё сказал.

— Вы знаете Зайделя?

Вопрос был неожиданный. На мгновение он смутился. Глаза забегали.

— Какого Зайделя?

— Вопросы задаю я, — напомнил я. — Во всяком случае, нам многое известно, и мы можем проверить ваши показания. Не советую играть в прятки.

— Я не играю.

Он уже оправился. Передо мной был прежний Ханс Эйдем — весь сжавшийся в кулак, силящийся выгородить себя, не проронить ни одного уличающего признания. Но он уже выдал себя минутным замешательством.

Он кивнул. Да. Зайдель? Руперт Зайдель у них был. Но теперь его нет. Ещё весной Кромби послал его в Польшу. Там Зайдель попался.

Откровенно говоря, я почувствовал зависть к полякам, которые схватили этого преступника. Позднее мы проверили это — провал Зайделя подтвердился.

— А Карху вам известен?

Не помню точно, почему я задал этот вопрос. Определённого расчёта у меня, кажется, не было. Но в моей памяти эти двое — Зайдель и Карху, отложились вместе. В ту же минуту я понял, что попал в цель. Имя Карху задело его — и куда чувствительнее, чем имя гитлеровского коменданта. Шпион ответил, глядя в сторону.

— Слышал фамилию. Мельком.

— От Зайделя?

— Да.

— Вы видели Карху?

— Нет, нет, — дёрнулся он. — Ни разу. Никогда не видел. Я не был здесь...

Он явно оборвал начатую фразу, умолк и испуганно воззрился на меня. Что это его так испугало? Почему именно Карху? И что значит — «я не был здесь?» Карху, стало быть, здесь, на советской земле, а не за границей? И не потому ли так встревожен лазутчик, что я опять попал в точку. Кромби посылает агента, назначает ему явку у Карху — что может быть естественнее.

Такая гипотеза сложилась у меня, и я решил её проверить.

— Правильно, — сказал я. — Вы первый раз по этому маршруту. И с Карху пока не знакомы.

— Нет, не знаком.

— Собирались познакомиться?

Он отшатнулся.

— Я мелкий служащий, господин офицер. Мне дали поручение — я выполняю, — заговорил он быстро. — Я слышал действительно фамилию. Мистер Кромби получил депешу из России от Карху, но я ничего не понял. Там были слова — «ключ в замке».

На этот раз я сам выдал себя. Кажется, я хлопнул ладонью по столу или сделал другое движение, показавшее, что мне известна история с ключом. И лазутчик испугался. Он намеревался продолжать свою роль наивного мелкого служащего, простого курьера и для этого открыл частицу правды, которая казалась ему безопасной. Он так испугался, что перестал отвечать на мои вопросы.

Его увели, и я помчался к Лухманову. Ключ всё-таки выплыл? Карху здесь! По дороге я думал о значении услышанного.

Первый вывод — инженеру Казанцеву и его работе угрожает опасность. В ближайшем окружении Казанцева есть враг. На это как будто указывает и депеша — «ключ в замке».

Лухманов согласился со мной.

— На днях поедете к Казанцеву, — сказал он. — Мы должны оберегать его. А пока я займусь лазутчиком.

Потом он заговорил о Карху.

— Принято считать, что он удрал, но доказательства были скудные. Я знакомился с материалами, — сказал Лухманов.

И полковник рассказал, что осенью 1944 года немцы в районе Алуksне попали в котёл. Наши танки ударили им во фланг, смяв тылы, вышли к морю. Гитлеровцы, державшие там оборону, пытались пробиться на запад, но капитан Зайдель не решился на это. Покинув в панике свою комендатуру, он бросился к Карху. У Карху была лодка, приготовленная на случай бегства и спрятанная на берегу. Зайдель, очевидно, знал это. Он и Карху вышли из дома вместе и двинулись туда. Что произошло дальше, никто не видел. Но следы на мокром, плотном песке сохраняются долго. Через день Алуksне был освобождён, и советские офицеры, занявшиеся Зайделем и Карху, нашли следы двух пар ног и глубокую борозду, проделанную килем лодки. Тут же валялись еловые ветки, которыми лодка была укрыта. Погода благоприятствовала побегу — стоял густой туман.

— Однако я никогда не был полностью уверен, что Карху удрал, — сказал Лухманов. — И когда я вам говорил, помните, что Зайдель оставил здесь корешки, я думал о Карху. Ко-

нечно, они вместе спустились с дюн, вместе сдвинули лодку. Вы обратили внимание на тамошние рыбацьи суда? Одному человеку с места ни за что не стронуть. Зайдель волей-неволей должен был привлечь на помощь Карху. Но брать его с собой? Была ли необходимость? Разве Зайдель заботился о Карху? Ничуть. Напротив, — у гитлеровцев были все основания оставить на советской территории бывшего сообщника по преступлениям, человека, который будет продолжать служить — хотя бы из страха быть разоблачённым. Это больше похоже на Зайделя, — не правда ли? Мне так представляется ход событий — Зайдель воспользовался услугами своего подручного, отъехал несколько шагов от берега, а затем попросту вытолкнул Карху из лодки. Чтобы скрыть следы, Карху вернулся другой дорогой — скажем, через камыши, простирающиеся невдалеке.

— Теперь ясно, Карху действует здесь, — закончил Лухманов. — Это хитрый, опасный враг. Ну-с, подумаем, когда вы сможете выехать в Приморск. Сегодня у нас среда. Давайте, в воскресенье.

Но поездку пришлось ускорить. Ночью у меня на квартире зазвонил телефон. Вызывал Приморск. Я услышал голос Василия Павловича Казанцева. Он просил меня прибыть и, если можно, немедленно.

И вот я снова в вагоне. За окном развёртывается бесконечной серебряной лентой мокрое от дождя шоссе, и по нему, словно стараясь обогнать поезд, бегут грузовики с зерном нового урожая. На коленях у меня альбом. Я вспоминаю неделю борьбы с упрямым лазутчиком, увёртки хищника, схваченного за шкуру. Страница альбома заполняется набросками.

Нет — рожу лазутчика мне не хочется рисовать. Рука выводит линии перекрещивающихся дорог, деревья, наклонённые ветром в одну сторону. Всё настойчивее складывается мысль, — звонок Казанцева и появление шпиона, направленного Кромби, как-то связаны между собой. Предпринята вылазка. Надо разгадать её вовремя. Сумею ли я?

В Приморск я приехал утром.

Первый раз я видел Казанцева летом — в кругу семьи. Теперь в широком коридоре института на встречу мне шёл другой Казанцев. Под высоким потолком он уже не выглядел таким великаном, как прежде, с лица исчезла добродушная беспечность, весь он подобранней и строже, как строевой командир, вернувшийся из отпуска в свою часть — на фронт. Я всмотрелся и заметил не только озабоченность человека, поглощённого работой. Произошло что-то серьёзное...

Меня не так-то легко удивить. Я знал, что такие, как Кромби и их наймиты, — двуногие существа, не имеющие ни родины, ни чести, — способны на любую подлость. И всё же то, что я увидел, было неожиданным. Некоторое время я молчал, держа листок бумаги, вручённый мне Казанцевым. Строки прыгали перед глазами.

«Дорогой отец! Если мои прежние письма дошли до тебя, то тебе известно, что я жив. Лучше сказать, пока ещё жив, так как в результате ран у меня развилась тяжёлая болезнь, а средств на лечение нет. Здесь, как и всюду, нужны деньги и деньги. Слышал, что ты стал крупным учёным, и рад за тебя. Твой Сергей».

— Ну, что же вы скажете? — проговорил Казанцев. — Почерк, мерзавцы, неплохо подделали. Но всё равно, даже если бы не нашли могилу

Сергея... Даже если бы не нашли... Меня никакой почерк не убедил бы, что мой Сергей — предатель.

Гордость и гнев звучали в этих отцовских словах. Я мог только подтвердить, — да, гнусная фальшивка. Казанцев схватил меня за руку.

— Кто и как это сделал? Вы можете мне сказать?

— «Кто?» — думаю, отвечу со временем. А «как?..» Почерк Сергея они изучили по его неотосланной записке друзьям. Записка числилась по описи его вещей, но бесследно исчезла. Теперь ясно для чего. Когда вы получили письмо?

— Третьего дня, почтой.

Он показал конверт с западногерманской маркой. Название города на штемпеле было смазано.

— Не говорите Анне Григорьевне, — попросил он. — Побережём её нервы. Дайте совет, что мне делать. Похоже, они намерены шантажировать меня. Неспроста тут о деньгах...

— Конечно. Не исключено, что вам предложат заработать доллары, — якобы для больного сына. Успокойтесь, Василий Павлович, — сказал я, заметив, как дрожат его пальцы. — Мы их выловим. Держите меня в курсе событий. Враги очень хотят завладеть вашим проектом, и они ни перед чем не остановятся.

— Как они узнали о проекте?

— Тема ваша известна многим. Недавно, я слышал, вы с триумфом защитили докторскую диссертацию.

— Ну, уже и с триумфом...

Теперь мы находились у опытного бассейна. В миниатюре он заменял море. От бетонированных его берегов отчаливают морские корабли, —

только уменьшенные во много раз. Здесь бушуют штормы на семь, на восемь и даже на двенадцать баллов — смотря по условиям эксперимента. Здесь изучают сопротивление воды, способность корабля держаться на поверхности, влияние качки — и фиксируют выводы на листе ватманской бумаги, где рождается чертёж нового судна, либо в тетрадке для расчётов длинными рядами цифр.

— Вы не специалист, не знаю, как вам объяснить, — сказал Казанцев, — без формул трудно. Но чтобы вы имели понятие о моей теме, — позвольте я вам процитирую его...

Василий Павлович кивнул в сторону висящего на стене портрета академика Крылова, — даже не кивнул, а скорее поклонился славному учёному-кораблестроителю.

— Лучше его всё равно не сумею определить суть проблемы. Вот слушайте, — «чтобы корабль не был валок или, говоря морским языком, был бы остойчив, выгодно его делать пошире, а чтобы он был ходок, очевидно, что его надо делать подлиннее и поуже, — требования противоположные».

— Насколько я понял, — сказал я, — вы хотите примирить это противоречие?

— Ну, уж и примирить! Хватили! Насколько возможно, найти выход из трудности, сохранить хорошую остойчивость и в то же время дать кораблю более быстрый ход. Ускорить ход наших кораблей! Задача очень важная, и не я один ломаю голову. Хорошо, если хоть малый вклад внесу.

Казанцев скромничал. Хотя его корабль ещё не спущен на воду, он во всяком случае теорети-

чески уже обоснован и проектирование идёт успешно.

Для корабля, как и для самолёта, превосходство в скорости — одно из непреходящих условий победы в бою. И здесь, в институте, мне стало ещё яснее, что работа Казанцева — лакомый кусок для мистера Кромби и его начальников за океаном. Я вернулся мысленно к задержанному лазутчику, к гнусной фальшивке.

— Мне нечего вам доказывать, — сказал я, — что и здесь, в лаборатории, нужно укреплять оборону. Враг нигде не должен найти лазейки.

Он показал мне, где хранятся чертежи.

— Здесь всё под замками, за печатями, — заверил он. — Ни одна бумажка не завалывается, можете быть спокойны.

— А у вас дома?

— Дома я чертежей не держу. Правда, голова работает и после шести, ей не закажешь. По вечерам иной раз уйду в расчёты — сапоги снимите с меня, не услышу.

— Разрешите вопрос: по тем материалам, которые у вас дома, можно составить понятие о проекте?

— Почти никакого... Впрочем, я на ночь запираю всё это — что настрочил — в ящик, а утром кладу в портфель и уношу в институт.

— За вами машину присылают?

— Нет, предпочитаю пешком. Если опаздываю, ну тогда на трамвае едем.

— Это неосторожно. Кто же с вами ездит?

— Антонина, моя невестка, Луковская. Вы не знаете разве? Ах, да это после вас было. Они месяца два как поженились. А на службу нам по дороге. От института квартал пройти — её поликлиника. Антонина помогает мне — ведь иной раз

у меня, кроме портфеля, ещё здоровая пачка книг библиотечных. С полпудика набирается.

Улыбнувшись, он расправил ладонь, как бы взвешивая тяжесть. Я подумал, что книги несёт, конечно, он сам, а портфель доверяет невестке.

Потом я узнал, что хлам из мусорной корзины сжигает та же Антонина. Она, оказывается, очень заботится о том, чтобы у Василия Павловича ничего не пропало. Посторонние в кабинете не бывают, если не считать Валентины. Это подруга невестки. Валентина работает в театральной кассе и приносит билеты на все премьеры.

— Летом моя страсть — экскурсии за грибами, — пояснил Казанцев, — а зимой — театр.

В тот же вечер я увидел Валентину. Высокая, с костистым, почти мужским лицом, она столкнулась со мной в прихожей казанцевской квартиры, мельком взглянула на меня, надевая пальто, и вышла.

Как родного встретила меня Анна Григорьевна, повела к себе, усадила у письменного стола со стопками ученических тетрадок, за которыми виднелась гипсовая фигура балерины Улановой. Через час я уже знал все семейные новости.

Анатолий и Тоня живут неважно. Кто виноват? Анна Григорьевна не намерена взваливать всю вину на невестку. Нет, если по справедливости рассудить, виноваты оба.

— Он плохой муж, чёрствый, о себе только печётся. А она безвольная, потекает ему во всё. Разве так можно? Когда женщина капризничает — плохо, но уж если мужчина! Это, милый мой, в сто раз хуже.

За стенкой слышался недовольный, визгливый голос Анатолия. Потом хлопнула дверь — Антонина вышла в столовую. Я застал её там одну,

когда Анна Григорьевна повела меня пить чай. Молодая женщина сидела, вытянув перед собой руки, глаза её были красны. Медленно повернувшись ко мне, протянула: — Здравствуйте. Ведь вы рисуете?

— Да.

— Я помню. Вы были у нас. У меня есть просьба.

— Пожалуйста.

— Нарисуйте меня. Можете? Оставлю ему, — она показала на дверь, за которой поскрипывали шаги Анатолия. — Пусть помнит, кого потерял.

— Успокойся, Тоня, — сказала Анна Григорьевна. — Накрывай на стол.

— А что, мама! Я Вальке его отдам. Ей-богу! Валька в него влюблена. Ну и пусть. Простите, — обернулась она ко мне, — простите, что я так откровенно, при вас... Но вы друг нашей семьи, правда?

Василию Павловичу чай отнесли в кабинет. Анатолий держался хозяином. Мы вынуждены были слушать его бесконечные, самодовольные разглагольствования. Ему, видите-ли, предложили место на другом заводе. Его переманивают. Стало быть, у него есть имя. А ведь это очень важно — приобрести имя! Трудно было переносить без смеха эту болтовню двадцатитрёхлетнего балбеса.

Два дня я пробыл в Приморске и возвращался к Лухманову далеко не в победном настроении. Досадно сознавать, что враг где-то поблизости от Казанцева, быть может в его доме, а ты его не различаешь. Ключ в замке — утверждает депеша. Значит, враг занял исходные позиции, наймиты Кромби наготове, чтобы шантажировать, подкупать или грабить. На кого падает подозре-

ние? Анатолий неприятен мне, но это не основание. Антонина? Насторожённость моя к ней не утихла, но улики никаких нет. Валентина? О ней я знаю очень мало. Знакомство её с Антониной началось ещё весной. Валентина явилась в поликлинику на приём, затем — в знак благодарности за лечение — пригласила Луковскую в театр. Впрочем, сейчас дружба под ударом — Валентина подметила, что Анатолий не ладит с женой, и пытается увлечь его.

Ключ в замке, ключ в замке, — стучало в мозгу, в такт с колёсами вагона. Пойманный лазутчик, наверно, знает, что это значит. Он ещё изворачивается, не говорит всей правды. Но в конце концов он должен сказать.

4.

— Ясное дело, он у них не последняя спица в колеснице, — так сказал о лазутчике Лухманов. — Нет, он не простой передатчик денег. Его прислали, чтобы руководить диверсией против Казанцева, или, как они говорят, — «операцией» «ключ». Они ведь любят давать громкие названия своим грязным вылазкам. Торгашеская натура требует рекламы. Их первый козырь — шантаж. Но, конечно, есть и другие средства в запасе. Так или иначе, мы достаточно знаем, чтобы припереть посланца мистера Кромби к стенке.

Действительно, шпион вынужден был сознаться, что деньги, которые он нёс, предназначаются Казанцеву. Но при этом он выкинул новый манёвр.

— Ваш Казанцев, — процедил он, — продал своё изобретение нашей фирме.

Не могу передать, как это возмутило меня.

Хищник, угодивший в капкан, ещё норовит уку-
сить! Не удалось пустить в ход деньги — клевет-
шет, чтобы навредить честному советскому тру-
женнику, помешать его работе.

— Ложь, — сказал я. — Не продал и не про-
даст. Казанцев получил вашу фальшивку и ни-
чего, кроме презрения, к вашей шайке не испы-
тывает. Вы, конечно, понимаете, о чём я говорю.
Вы подделали почерк убитого.

Кольцо вокруг лазутчика замкнулось. Теперь
он уже не отнекивался, не юлил, не огрызался.

— Не я... Не я писал письмо, господин офи-
цер, — произнёс он испуганно.

— Кто же писал?

— Мистер Кромби. Я вам скажу, господин
офицер, — вдруг выпалил он, — я знаю, кто убил
сына инженера. Это Зайдель и Карху. Они убили
тогда ещё двоих — матроса и молодую ба-
рышню, санитарку.

Санитарку? Значит, у Зайделя были её доку-
менты. Он мог снабдить ими шпионку, перепра-
вить её через линию фронта! Луковская?..

Я сказал:

— Письмо отправили почтой, а с деньгами,
с инструкциями послали вас. Вам назначили
явку, разумеется. Где и у кого?

Помедлив, он ответил:

— У Карху.

Я задал ещё несколько вопросов. Он ответил
и на них. Поединок кончился.

До ночи сидели мы с Лухмановым, обдумы-
вая план дальнейшего поиска. Такое сложное за-
дание я получал впервые. А на другой день я с
двумя помощниками сел в поезд, направляю-
щийся в Приморск. Не доехав до него, мы слезли
в пригороде. Я спросил у прохожего, где чайная.

Прохожий указал мне жёлтый деревянный дом с резным крылечком и узорчатыми занавесками.

Я толкнул дверь и очутился в узенькой, тесной раздевалке. За барьером, на табуретке, прислонившись спиной к стене, сидел человек средних лет. На лице его, обрамлённом редкой бородкой, блестели капли пота от жара, волнами шедшего из кухни. Несмотря на это, гардеробщик сидел в меховом жилете и валенках, обтянутых резиной.

Ещё весной, в Алуksне, слушая дежурную в Доме колхозника, я думал: «Столкнуться бы лицом к лицу с кем-нибудь из шайки Зайделя». И вот — сбылось. Человек, вставший с табурета, чтобы принять моё пальто, — Карху.

Я отдал пальто, взял номерок и, стараясь ничем не выдать волнения, сказал:

— Номер несчастливый.

Он метнул на меня быстрый взгляд и сдавленным голосом пробормотал:

— А какой же вам нужен?

— Мой любимый номер — сто двенадцать, — произнёс я последнюю фразу пароля и прошёл в зал. Занял столик, заказал что-то и съел, не ощущая вкуса. Мучила мысль, — а что если лазутчик солгал, искажил пароль!

Опасения были напрасны. Выйдя из чайной, я опустил руку в карман пальто и нащупал записку. Карху наспех нацарапал твёрдым карандашом — «Советская 18, кв. 2, сегодня в 9 вечера».

Я облегчённо вздохнул. Хорошо, пока всё идёт, как по маслу. Что-то будет дальше.

Короткий осенний день тянулся на этот раз невыносимо медленно.

Я встретился с помощниками, отдал необходимые распоряжения.

Было совсем темно, когда я позвонил в квартиру гардеробщика. Он сам открыл мне. По узкому, заставленному сундуками коридору провёл в прокуренную комнату. За окном качался от резкого холодного ветра фонарь. Лучи неяркого жёлтого света, пробивавшиеся сквозь шторы, шарили по стенам, по столу.

— Привет от шефа, — начал я.

Карху молчал. Не дожидаясь приглашения, я сел. Стул заскрипел. Этот скрип показался мне очень громким, потому что в квартире царствовала мёртвая тишина. Только над нами, на чердаке, бегали и шуршали крысы.

— Вы слышали, что я сказал, — повторил я. — Вам привет от шефа.

— Это слова, — проговорил он.

— Чем вы недовольны? — спросил я, уловив в его голосе раздражение.

— Вы привезли деньги?

— Деньги после, — сказал я. — Кромби требует сперва дела. Вы недостаточно активны. Деньги после операции.

— Мало активности? Так? — глухо отозвался Карху.

— Так!

Он придвинулся ко мне и на меня пахнуло потом. — Сами испортили всё и требуете дела?

— Что вы имеете в виду?

— Дурацкое письмо, — проворчал он. — На кой чёрт это нужно было. Всех всполошили. Старик давно знает, что сын мёртв.

Я изобразил удивление.

— Как! Каким образом?

— Так. Раскопали. Мне нельзя оставаться здесь. Нельзя! Поняли?

В колеблющейся, неверной полутьме я не мог видеть выражения его лица, но в голосе звучал страх.

— Без паники! — одёрнул я, стараясь сохранить начальственный тон. — Вы должны были предупредить нас. Почему вы этого не сделали?

— Почему? Сами знаете, как со связью.

— Надо решить, как поступать теперь. Есть другие пути. Нужно завладеть проектом. Что вы сделали для этого? На кого можете опереться?

— Марта нащупывает, — ответил он. — Она надеется на младшего сына, Анатолия.

Марта? Кто это? Луковская, Валентина или какая-то третья, о которой мы ещё не имеем понятия? Но выведу после. Я спросил:

— Марта говорила с ним?

— Нет. Она пытается. Но теперь, из-за вашего письма, всё это очень трудно.

— Что вы предлагаете?

— Хорошо, я скажу, — встрепенулся он. — У меня есть ваша посылка. По-моему, это лучший выход. Если вы сразу переправите меня на ту сторону.

Посылка была тоже новостью для меня. Лазутчик не упоминал о ней. Что в посылке? Из предосторожности я не стал расспрашивать и сказал только:

— Вы всё сводите к одному. Вас отзовут, когда найдут нужным. А насчёт посылки вы же получили указания.

— Да. Она на крайний случай.

— Я пока не вижу крайности, — сказал я.

— А вы побеседуйте с Мартой, тогда увидите, — произнёс он угрожающе.

— Где я её встречу?

— Она скоро придёт сюда. Она скажет то же самое. Что она может? Ничего! — Он закашлялся, помолчал и прибавил:

— Она достала ерунду, клочки какие-то, ни одной цифры разобрать нельзя.

«Это те домашние черновики, за которыми Василий Павлович сидит по вечерам», — подумал я. Не просочились ли наброски за границу? Но Карху заявил, что они пока у Марты, и у меня отлегло от сердца. Надо будет получить их у Марты, и так, чтобы самому не попасть впро�ак. Свидание с неведомой Мартой, которая, весьма возможно, знает разведчика Саблукова, сулило неожиданности.

Размышления мои были прерваны. Стекло окна — второго, обращённого во двор, — вдруг задребезжало: Карху вскочил.

Секунда, две — и ещё горсть земли пробарабанила по стеклу.

— Марта! — прохрипел Карху.

Прежде чем я успел опомниться, он потянул меня за рукав и бросился вон из комнаты. Я за ним. Если бы у меня было время обдумать случившееся, я бы всё равно поступил так же. Чтобы удержать Карху в поле зрения и вместе с тем раскрыть его связи, его тайные пути, единственно, что оставалось, — это бежать вместе с ним. Но в ту минуту я не делал столь связных выводов. Я просто чувствовал, что не должен упускать его. Мы поднялись по крутой лестнице на чердак.

— Сюда, — шепнул Карху.

Он толкнул меня в узкий, тёмный проход. Что-то царапнуло меня по руке — похоже, неровный край фанерной перегородки. Кажется, мы на чердаке соседнего дома. Шлёпают по лицу сы-

рые простыни, развешанные для просушки, — я раздвигаю их, отбрасываю в стороны и наощупь пробираюсь вслед за Карху. Постепенно способность соображать возвращается ко мне, и первая мысль — о моих помощниках. Они виноваты в этой кутерьме. Они вели себя неосторожно. Марта обнаружила засаду, дала знак Карху.

Из слухового окна потянуло холодом. Впереди, совсем близко, шевелились тёмные ветви дерева. Мы вылезли на крышу и стали спускаться по пожарной лестнице в сад. Высокий забор отделяет его от улицы.

Что же будет дальше? Где наши? Может, поджидают нас. Чего доброго, придётся вступить врукопашную с моим товарищем — лейтенантом Чубинским и шепнуть ему, чтобы он не мешал мне «бежать» с Карху, а двигался за нами на известном расстоянии. Но в саду тихо. Карху отворил калитку, высунулся в переулок. И там тихо, пустынно. По другой стороне шёл толстый мужчина с зонтиком. Больше ни души! Где же Чубинский и Гаенко? Сумели ли они, по крайней мере, задержать Марту или дали ей ускользнуть!

Конечно, проще всего прекратить этот побег и арестовать Карху. Но я решил продолжать свою роль. Не досадно ли бросить её, когда она идёт так успешно. Карху поверил мне. Нет, я последую за ним. Как знать, возможно в результате откроются ещё сообщники.

Жаль, однако, что нет связи с нашими. Теперь я могу надеяться только на свои силы.

Мы вышли из посёлка. Помнится, я шагал по кочкам, а над головой тянулись провода высоковольтной передачи, видимые лишь у самой опоры, где горела лампочка, и исчезающие во мгле. Затем мы зашлёпали по болоту. Карху шёл

быстро, пригнувшись, и я старался не отставать от него ни на шаг. Иногда я проваливался по колено в жидкую грязь, прикрытую тонкой коркой упругого, хлюпающего мха.

По приметам, знакомым ему одному, Карху отыскал тропу в чёрной стене леса, вставшего перед нами. Гонимый страхом, он не произносил ни слова, не позволил и минуты передышки. Так мы шагали часа три. Всё чаще хрустел под ногами песок, принесённый ветром с дюн, всё явственнее ощущалось дыхание моря. Наконец за стволами сверкнула искорка далёкого маяка — блеснула в кромешной темноте, погасла, опять зажглась.

Ещё полчаса ходьбы — и мы миновали лес. Берег у самой воды зарос густым камышом. Огибая его, Карху свернул вправо, полез на песчаный холм. Обнажённые корни сосен схватывали ноги, словно когтями. Я шёл и не чувствовал усталости. Впереди маячила широкая сутулая спина Карху. Я готов был пройти десять, сто раз столько же, но дойти до последней его берлоги.

Вот снова лес. Фигура Карху стала вдруг проваливаться в землю.

— Здесь спуск, — сказал он.

То была одна из тех землянок, что в огромном числе разбросаны по здешним лесам. Многие из этих неприглядных памятников войны обвалились, гнилые брёвна торчат из размытого грунта. Отбросив хворост и обломки, маскировавшие вход, Карху пролез внутрь и чиркнул спичку. Вот оно — логово хищника!

Оно прикрыто плотным накатом и дёрном, не пропускающими дождь, и песок, который осыпается со стен, сух. Карху разгрёб его при свете стеариновой плашки, и вскоре показался шкаф-

чик. Отсвет огня заиграл на сером лаке, на чёрных эбонитовых верньерах. Рация!

Убедившись, что всё на месте, в целости, Карху перевёл дух и сказал, что по утрам бывают туманы.

Я не сразу понял его.

— Сильные туманы, — повторил он. — Молите бога, чтобы ветер не отогнал.

Он включил аппарат, сдвинул обрезок бревна, сел. Я видел его руку, лежащую на рычажке, — грязную, с потрескавшимися плоскими ногтями.

Дробно застучали позывные. Вены на руке набухли, — преступник держался за рычажок рации, как за якорь спасения, с губ его срывалось:

— С-сатана! Посидел бы он тут на моём месте. Не на яхте, а вот тут...

Он бранил Кромби, потом принимался жаловаться, что шеф отправит его обратно, просил меня заступиться, убедить, что провал полный, что нас преследовали. Чем больше у него сдавали нервы, тем хуже он произносил русские слова. А рука от натуги сделалась почти синей, уродливой до отвращения.

Несколько раз он отправил позывные и перешёл на приём. Что ж, подождём ещё, — решил я. — Надо узнать, кто ответит.

Ждали долго. Карху начал терять самообладание. Его обступили страхи. Он боялся, что там, на той стороне, не приняли его сигналов, а если и приняли, то пограничники всё равно помешают ему уйти. И ветер может в любую минуту перемениться. Медвежья спина Карху сгорбилась, ногти впились в доску стола.

И вдруг Карху вздрогнул, прижал ладонями наушники и застыл.

— Что там? — спросил я.

К стр. 92.

Он отозвался не сразу.

— Нет... Почудилось.

Не в первый раз ему чудилось. Не выпуская из поля зрения Карху, я ходил по узкому пространству землянки, вернее, переминался с ноги на ногу, и думал о своём.

— Не пойму ничего, — проговорил Карху. — Шум какой-то странный.

Он снял наушники, протянул их мне. И я взял их, надел и наклонился к аппарату.

Теперь, когда я вспоминаю это, я спрашиваю себя, — почему я не сумел во-время разгадать манёвр Карху? Быть может, если бы я более внимательно следил за ним, я почувствовал бы обман. Но лицо его было в тени, в тоне Карху я не уловил ничего необычайного.

Аппарат молчал. Только шорох эфира раздавался в эбонитовых тарелочках. Я хотел было вернуть наушники, но в ту же минуту почувствовал удар по голове и потерял сознание.

Очнулся я...

Но раньше расскажу, как действовали мои товарищи — Чубинский и Гаенко. Если бы не они, история приняла бы менее благоприятный оборот. Во всяком случае, Карху на этот раз ускользнул бы.

Оглушив меня, он выбежал из землянки и начал заваливать вход камнями и песком. Он делал это, как я узнал после, с лихорадочной поспешностью. Только когда от сосен, стоявших вблизи, отделились два человека и приблизились, — он обернулся.

Уже светало, и Карху отлично разглядел два пистолета, направленных на него.

Враг поднял руки.

Чубинский привёл меня в чувство. Я открыл глаза и увидел совсем близко плечо с лейтенантским погоном: Чубинский сидел около меня, на корточках, а над ним возвышался Гаенко, и в руке его что-то блестело.

Я приподнялся.

— Лежите, лежите,— сказал Чубинский.

— Нет,— сказал я и оттолкнул его. — Карху! Где Карху?

— Успокойтесь, товарищ капитан,— ответил он. — Они у нас. И Карху и она.

Блестящий предмет шевельнулся, и я увидел наушники с никелированной дужкой. Она была помята, потому что по ней пришёлся удар Карху.

Чубинский докладывал. Арестовав Марту, он оставил её под стражей и вместе с Гаенко двинулся по пятам за мной и Карху. Чубинский пытался осторожно, не привлекая внимания Карху, подать мне весть о себе, но это не удалось. Оба проследовали до землянки и здесь встали в дозоре.

Словом, я напрасно сетовал на них.

* * *

Досказать осталось немного.

Вы спросите, верно,— что же спугнуло Карху? Дело в том, что он достучался-таки до своих. Где-то за нашей морской границей, на судне, услышали Карху, который требовал немедленно взять обратно агента, засланного на советскую землю, и сам рассчитывал спастись вместе с ним. И Карху принял ответный сигнал. Это был сигнал тревоги для Карху, сигнал, означавший, что он в ловушке, что лазутчик из Бонна провалился. Когда морзянка умолкла, Карху передал мне наушники. Он хотел убить меня и бежать.

На допросе Карху признал это. Надо прибавить, — его позывные и ответ из-за рубежа слышал ещё один человек, радист сторожевого пограничного катера, которым командует лейтенант Троян. Лейтенант приказал усилить наблюдение. Но море было пустынно, один иностранный бот, маячивший далеко на западе, вскоре ушёл за черту горизонта. Во всяком случае, как ни зывал Карху о помощи, его друзья не решились сунуться к нашему берегу. Они предоставили ему выпутываться самому.

Есть у вас, вероятно, ещё вопрос — о личности Марты... Могу сказать. Марта оказалась племянницей Карху. Я тотчас узнал её, когда её привели — передо мной была Валентина. Ещё в сентябре 1941 года Зайдель отправил Марту через линию фронта с заданием — втереться в доверие к инженеру судовой верфи Казанцеву и вручил ей документы расстрелянной санитарки и ключ. Да, ключ Сергея был у неё. Но тогда — в начале войны — она не пустила его в ход, так как инженер оставил службу на верфи и потерял интерес для вражеской разведки. А после шпионки боялась выступить с ключом, — ведь в семье Казанцевых появилась санитарка Луковская, которая действительно находилась вместе с Сергеем на островах и могла бы разоблачить Марту. Тогда она решила сблизиться с Луковской и через неё проникнуть к Казанцевым. Луковская по беспечности и не подозревала, кого ввела в дом.

Кроме ключа, у Марты при обыске нашли «посылку», о которой говорил Карху, — ампулы с ядом. Злодеи намеревались, коли не удастся купить или выкрасть проект, убить учёного и этим задержать создание скоростного корабля.

Вот и всё как будто.

Нет, лучше сказать — пока всё. Последняя точка ещё не поставлена.

— Видите, как получилось, Саблуков, — сказал мне Лухманов. — Враг, который был в ваших руках, напоследок извернулся и напал на вас. Урок вам на будущее. Сделаем ещё вывод. Помните, провал лазутчика стал очень скоро известен на той стороне. Каким образом? Похоже — не всех мы выловили из шайки Карху. Успокаиваться мы не должны, тем более, что Кромби не примирится с неудачей. Нам придётся ещё встретиться с его агентами, разоблачить их, какие бы ключи они ни подбирали.

Э Л Ь З А

В вахтенном журнале дозорного катера, которым командует лейтенант Касьянов, есть короткая запись:

«Задержан моторно-парусный бот, нарушивший государственную границу у о. Кривого».

Вахтенный журнал немногословен. Он не открывает ни национальности непрошенных посетителей, ни цели их вторжения. Судя по тому, как изогнулась в одном месте последняя строка, можно предположить, что море было в тот день неласковое. Впрочем, об этом имеется пометка — «волнение до 9 баллов». К тому же у острова Кривого мелко, а на мелководье известно, какая волна, — частая, злая, не качает, а колотит, подбрасывает, душу вытрясти хочет. Новичок в такую погоду не вывел бы как следует и двух слов. Заметьте ещё, что рука лейтенанта Касьянова, державшая перо, заоченела от холода и всё на нём промокло до нитки.

Хотя Касьянов и называет себя в шутку самым молодым лейтенантом в дивизионе, — ему уже за сорок. В офицеры его произвели недавно, в

мае — из уважения к его долгой мичманской службе и опытности.

Если верить матросу Стаху, командир заранее предвидел встречу с нарушителями. Но Стах — здоровенный горец с Карпат — большой фантазёр. Просто-напросто Касьянов приказал усилить наблюдение, а это необходимо в ненастную пору. Стаху, стоявшему на носу, лейтенант сказал:

— Видишь, как «два рыбака» подпоясались.

«Два рыбака» — это две острые скалы, торчащие из воды у входа в бухту. С утра их стянуло белыми кушаками пены. Кушаки эти становились шире и поднимались выше, потому что ветер, набирая силу, гнал воды в бухту.

Были и другие приметы надвигавшегося шторма. Солнце всё реже показывалось среди туч, стремительно набегавших с севера. Очертания туч делались резче. Когда солнце скрывалось, синие лужицы, заброшенные волной на песчаный берег бухты, чернели и как будто проваливались, сгустки водорослей на песке теряли свой тёмнозелёный цвет, казались коричневыми и будто острее пахли плесенью и горькой морской солью.

К полудню вода в бухте поднялась настолько, что труба «Меридиана» — госпитального судна, потопленного в начале войны фашистскими бомбами, — погрузилась вся и только мачта возвышалась над поверхностью.

Вокруг затонувшего судна кипели буруны, каруселью кружились воронки. Рыбачьи ладьи обходили его. Перегоняя их, нёсся пограничный катер, посланный с базы для усиления дозора. Стах с удивлением смотрел на отважных людей в ладьях. Идти на промысел в такой скорлупке!

Он ни за что бы не решился. Плыть на катере — это другое дело. Тут всё уже стало родным и понятным после трёх месяцев службы, а потому и надёжным. И лейтенант Касьянов тут — командир, особенно заботливый к Стаху, помогающий ему уразуметь сложный язык моря и искусство охраны невидимой морской границы.

В первый свой рейс Стах долго всматривался в волны, стараясь разглядеть её и запомнить. Нет, никаких признаков рубежа! Ничего! Товарищи посмеивались над ним, но он не мог отвести глаз. Должно быть хоть что-нибудь! Ему объяснили — линия границы определяется здесь только астрономическим счислением. Там, дальше на запад, точно такое же море, — свинцово-серое, беспокойное. Умом он понимал это, но чувствовал иначе. Нет, разница всё-таки есть. Оттуда веяло чем-то безотрадным, чужим. Дали, открывавшиеся там, не манили к себе. «Даже чайки не летят туда, — подумалось Стаху. — Кричат и жмутся к кораблю».

— Я первый раз увидел границу лет двадцать назад, — рассказал Стаху лейтенант. — Сухопутную. Обыкновенная канавка в лесу.

Затаив дыхание, стоял Касьянов у этой разделявшей два мира канавки. За ней странно было видеть простую, такую же, как и на нашей стороне, старую берёзу, малинник, оплётённый паутиной и усеянный пунцовыми, переспелыми ягодами. Их некому собирать, должно быть. Касьянов на всю жизнь запомнил этот малинник и ягоды, опадавшие, никому не нужные, запомнил так же хорошо, как Стах пугливых чаек, жавшихся к катеру под ударами ветра.

— Неважно, есть черта или нет, — говорил Касьянов матросам. — Какая разница. Надо,

главное, понимать, что ты сам из себя представляешь здесь, на границе. наших впереди нет, мы самые передние.

Командир хотел, чтобы чувство границы, воспитываемое у молодых матросов, было проникнуто гордым сознанием своей значимости, уверенностью в себе.

...Катер вышел из бухты. Он двигался навстречу ветру, зарываясь носом. Вот остров Кривой — последний кусок советской земли. На нём нет ничего, кроме маяка, горстки пограничников и лодочника — рыжего Эльмара. Часто, тревожно мигает маяк, ему сдержанно, долгими вспышками отвечает другой — на материке, далеко справа.

Сейчас мгла окутывает остров, скорее угадываются, чем различаются деревья возле дома Эльмара, конус маяка.

— Товарищ лейтенант, депеша!

Радист подал командиру листок бумаги. С базы сообщали: «Одна ладья из колхоза «Искра» не вернулась с лова. Фамилия бригадира — Тоомп».

— Ну ясно, Тоомп, — сказал лейтенант с досадой.

Дальше в депеше следовали номера квадратов, где надо искать рыбаков. Едва взглянув на номера, Касьянов дал с мостика команду о перемене курса. Он давно знает наперечёт места лова, — а уж в особенности те, которые облюбовала бригада Тоомп. Ещё бы! Не раз приходилось выручать этих сорви-голов.

— Сумасшедшая девка! — проворчал Касьянов, глядя на улыбающегося радиста. — Нет, я буду говорить в правлении колхоза насчёт Эльзы.

Это уже не соревнование, это азарт, чёрт знает что! Сама утонет и других угробит!

— Она на учёбу уезжает, товарищ лейтенант, — крикнул радист в самое ухо Касьянову, потому что в это время на палубу обрушилась волна, подрезанная носом катера.

— И что же?

— Говорит, напоследок дам такие показатели, чтобы меня помнили.

Извольте видеть, выбрала погоду — ставить рекорды. Восемнадцатилетняя девчонка болтается в море, когда все разумные люди уже дома сушат свои рубы. Он представил себе Эльзу Тоомп, — маленькую, цепкую, в зюйд-вестке, нахлобученной на белесые косы, туго стянутые вокруг головы. Упряма до невозможности! Теперь возись с ней, спасай её! К ладье вплотную не подойти, конечно.

Ох, надо её проучить! Мысленно произнося обвинительную речь против бригадира Эльзы Тоомп, Касьянов развернул карту. От острова Кривого, похожего на отрубленную половину подковы, тянутся к западу каменные банки, местами выступающие наружу. Вокруг них, на отмелях, — масса водорослей и другой живности, сулящей рыбам богатое пиршество. Здесь и промыляет колхоз «Искра».

Катер полным ходом спешил туда, разбивая высокие валы, чередой выносившиеся навстречу из темноты.

Достигнув района лова, он пошёл медленнее, осторожнее. Касьянов ждал, что вот-вот блеснёт огонёк Эльзы Тоомп. Рыбаки, попавшие в беду, вешали фонарь как можно выше на мачте. Но кругом было черно и пусто. Касьянов подумал,

что, может быть, опоздал... Отгоняя эту мысль, крепко стиснув пальцами медную трубку, он крикнул:

— Прожектор!

Просто у них сели батареи, потому и не горит огонь. Ничего страшного, сейчас они найдутся.

Катер огибал рифы, белевшие шапкой пены. Луч прожектора скользнул по ней, осветил мутно-жёлтую, суматошно приплясывавшую волну. Блеснула золотом щепка на её гребне и пропала.

Пусто! И за камнями пусто. Оглядели все банки, пересекли во всех направлениях рыбные колхозные угодья. Оставалось одно — идти к острову Кривому, куда могло отнести ладью. Если отказал мотор, значит рыбаки там, их неизбежно повлекут туда и течение и ветер. Мигающий глаз островного маяка, оставленный позади, теперь переместился к носу. Иногда его гасил, заливал свет неустанно шарившего прожектора.

Касьянов не сразу поверил глазам, когда на дорожке, проложенной лучом, вдруг появилась ладья с голубой полосой на борту, взлетела на волне, и человеческая фигура в комбинезоне, державшаяся за мачту, подняла руку и помахала. Пальцы Касьянова разжались и выпустили трубку — горячую и мокрую от пота. Теперь надо подойти ближе к ладье, развернуться боком, прикрывая её от ветра...

Волна резко ударила в борт, катер накренился, лейтенант ушибся плечом о стенку и выругался. Ему снова захотелось пробрать озорницу Эльзу Тоомп. Как только она очутится на катере, он выложит ей всё, что думает о её поведении. Глупая девчонка! Мотор у них, разу-

меется, сдал. Ещё полчаса — и ладью выбросит на скалистый берег.

Но что это? Мотор у них работает... Ладья проворно поворачивает, спеша подставить волне свою корму. Теперь оба судна быстро сближаются. Катер застопорил.

— Да они нормально держатся, — сказал командиру боцман. — Есть ли необходимость снимать людей? Подать им конец — и всё дело.

— Нет, буксировать я не возьмусь в такую бурю. Зальёт посудину.

Между тем, люди в лодке — теперь можно различить трёх женщин и старика — делали какие-то отчаянные знаки. Они явно торопили моряков.

На катере всё готово. Боцман, приставив ко рту рупор, кричал, чтобы рыбаки не подходили слишком близко, — не ударило бы ладью о корабль.

Но Эльза управлялась ловко. Ладья проворно отработывала назад, как только расстояние от неё до корабля становилось угрожающе коротким. Вот-вот швырнёт её волна, — но посудина, не задержавшись и секунды, соскальзывала с гребня, пропускала волну дальше.

— Странно, — заметил боцман. — Не сказал бы, что у них аварийное положение.

Боцман любил рассуждать вслух и никогда, даже в очень напряжённые минуты, не расставался с этим обыкновением. Касьянов же подумал, что уж если Эльза просит помощи, то случилось, наверное, что-то серьёзное.

На миг ладью подняло вровень с катером. Стах протянул руки, чтобы схватить девушку, но не успел. Тотчас лодка скрылась за волной, тя-

жело громыхнувшей о палубу. Эльза сделала нетерпеливое движение, сбросила куртку, чуть присела и, резко оттолкнувшись ногами, прыгнула в воду.

— Ах, чёрт, её же стукнет сейчас... Живо подать конец! — крикнул Касьянов.

Ладья отступала, лавировала, чтобы не задеть Эльзу, храбро барахтавшуюся в воде. Она поймала брошенный с катера трос, но новая волна, неожиданно выросшая у самого борта корабля, вырвала трос у девушки. Тогда соскочил с катера Стах. Уцепившись одной рукой за трос, он другой схватил за ворот Эльзу. Обоих вытащили на палубу.

Касьянов ввёл её в рубку.

— Доченька, — вырвалось у него.

Он провёл платком по её мокрому лицу. Перевея дух, она заговорила сбивчиво:

— Там... Там не наши. Не наш бот там.

— Где?

Она показала в сторону острова. Касьянов посмотрел туда и увидел, что рыбацья ладья удаляется от катера. Она шла к острову, прямо на маяк, и две женщины, оставшиеся в ней, жестами звали пограничников за собой.

— Я сразу вижу — не наш, — повторила Эльза. — Не похож на нашего «Комсомольца» или на «Форель». И в «Пятилетке» нет такого...

— Ясно, — прервал лейтенант. — Лево руля, — крикнул он. — Радиста ко мне!

Катер ринулся к острову. Рация его заработала, передавая на базу, на посты тревожную весть о нарушении границы.

— Мы домой собирались, когда он прошёл мимо, — рассказывала Эльза. — Я сказала: «Стоп,

К стр. 106.

девушки, это не наш, гасите фонарь, будем следить». Он прошёл туда и остановился. Я говорю: «Никак, девушки, он сел на банку».

— Где? На какой банке?

Касьянов положил перед ней карту. Эльза, подумав немного, решительно накрыла пальцем чёрную точку чуть западнее острова.

— Я все наши боты знаю, — продолжала Эльза. — У «Комсомольца» рубка не такая. А главное — он шёл без огней. И аккурат на эту банку.

— Возможно, что и нарочно, — сказал Касьянов. — Ты вот что, — кто у тебя на руле? Не зальёт их?

— Дядя Антон на руле, — сказала девушка таким тоном, точно это имя должно рассеять всякие опасения.

Больше Касьянов не спрашивал. Он отправил Эльзу в свою каюту и велел дать ей рабочую пару — переодеться. Всё ясно. Молодец Эльза, — поступила умно и смело. Она не пошла со своей новостью в гавань, чтобы не тратить время, не потерять из вида нарушителей. Рыбаки остались в бурном море, погасили фонарь на мачте, чтобы можно было наблюдать, самим оставаясь невидимыми. Это правило известно здесь, на рубеже, где каждый колхозник считает себя стражем родины. Рыбаки были уверены, что катер придёт к ним, придёт на выручку, как только узнают на берегу, что ладья не вернулась с лова во-время вместе с другими.

Скоро необычное зрелище открылось морякам: чужой бот стоял неподвижно у острова, серым пятном на фоне чёрной массы берега, — стоял, стиснутый каменными клещами. Волны хорово-

дом бесновались вокруг него; лезли на камни, взлетали к высоким бортам.

В ту же ночь бот был снят с банки и отведён на базу. Нарушители попались.

Они хотели присоединиться к каравану рыбачьих судов, возвращавшемуся с промысла, и незаметно, пользуясь темнотой, войти в бухту. Но незваные гости были обнаружены. Попытались они удрать, но в панике сбились с пути и угодили на рифы.

СОДЕРЖАНИЕ

	<i>Стр.</i>
Дом на Боровой	3
След Заур-бека	28
Ключ	55
Эльза	99

В. ДРУЖИНИН — „СЛЕД ЗАУР-БЕКА“

Редактор *Ковалевская Т. П.*

Художник *Орлов В. Е.*

Технический редактор *Срибнис Н. В.*

Корректор *Федорова Е. В.*

Сдано в набор 30.11.53.

Подписано к печати 19.02.54.

Формат бумаги 70×92¹/₈—3,5 печ. л.—4,09 усл. печ. л. 3,98 уч.-изд. л.

Г-03037.

Военное Издательство Министерства Обороны СССР.

Москва, Тверской бульвар, 18.

Изд. № 1/6914. Зак. 611.

1-я типография имени С. К. Тимошенко
ления Военного Издательства Министерства Обороны Союза ССР

Цена 1 р. 20 к.

К ЧИТАТЕЛЯМ!

Военное Издательство просит присылать свои отзывы и замечания на эту книгу по адресу: Москва, 104, Тверской бульвар, 18, Управление Военного Издательства.

Цена 1 р. 20 к.